

ПАВЕЛ
КРУСАНОВ

Американская дырка

Павел Васильевич Крусанов

Американская дырка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162676

Крусанов П. Американская дырка : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; С.-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-08369-1

Аннотация

Знаменитый Сергей Курёхин считал себя ошибкой природы и в одном из взятых у него интервью признавался в том, что природа в его лице пыталась произвести курицу, ибо все его повадки куриные. «Хотя бывают иногда странности, – добавляет он. – Я, например, время от времени начинаю рыть нору в земле, что, насколько я знаю, курицам не свойственно, а свойственно скорее лошадям».

Роман «Американская дырка» о нём, Сергее Курёхине, великом комбинаторе современности, возродившемся после мнимой смерти и восстанавливающем мировую несправедливость не ради той России, которая есть, а ради той, которая *должна быть*. Для этого ему и пригодилось его странное отклонение – рытьё глубинных земляных нор. Причём право на этот труд он предоставил Америке – на её собственную погибель.

Роман Павла Крусанова стоит в одном ряду с такими его известными сочинениями, как «Укус ангела», «Ночь внутри», «Бом-бом» и другими, всегда неожиданными, ломающими устоявшиеся каноны и представляющими человека в истории не послушным инструментом в руках демонов и земных богов, но героем, способным изменить само направление времени.

В оформлении обложки использован герб России работы Павла Крусанова.

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	10
3	11
4	14
Глава вторая	16
1	16
2	20
3	22
4	25
5	27
6	33
Глава третья	34
1	34
2	36
3	40
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Павел Крусанов

Американская дырка

© П. Крусанов, 2014

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

– Сергей Анатольевич, мы хотели бы поговорить с вами на разные темы для специального издания, посвящённого выходу фильма С. Дебижева «Два капитана – 2», в котором вы играете одну из главных ролей. Возможно ли это сделать сейчас?

– Сейчас нет, а минут через десять – можно. Дело в том, что через десять минут закончится мой индивидуальный цикл перемещения солей животного происхождения в мозг из печени. Таким образом, в данный момент я контролирую обмен веществ в моём организме и, если вы будете говорить со мной в это время, я за себя не ручаюсь.

(Прошло десять минут. Взгляд Курёхина приобрёл некоторую осмысленность, и мы решили попробовать ещё раз.)

– Сергей Анатольевич, в одном из интервью вы сообщили, что вы – ошибка природы. Что вы имели в виду?

– Дело в том, что природа в моём лице пыталась сделать курицу. Все мои повадки – куриные. Хотя иногда бывают странности. Я, например, время от времени начинаю рыть нору в земле, что, насколько я знаю, курицам не свойственно, а свойственно скорее лошадям.

– Нам кажется, что ваш способ отвечать на вопросы – это попытка увильнуть от ответа. Очень хотелось бы услышать от вас что-нибудь искреннее.

– Я постараюсь быть предельно искренним.

– Тогда мы хотели бы поговорить о политике. Каково ваше отношение к активизации коммунистов в стране?

– Коммунисты – очень милые и симпатичные люди. Только хари у них противные. Я, правда, не совсем понимаю, чего они хотят, но сразу видно, что они настоящие патриоты чего-то.

– Крайне любопытно. В таком случае вы можете сказать что-нибудь о Жириновском?

– Жириновский – тоже очень милый и симпатичный человек. Играть роль полуидиота его заставляют. Скорее всего – это Бурбулис. Фамилия Бурбулис этимологически связана с именем Карабас-Барабас, в свете этого сразу становится видна его сущность. А от сущности до бытия – один шаг, как любил говорить покойный Хайдеггер. Проблемная линия Маркс – Энгельс – Бурбулис – Карабас-Барабас ещё ждёт своего исследователя. Кстати, мне недавно сказали, что Маркс и Энгельс – не муж и жена, а три абсолютно разных человека.

– После того как вы в одном из номеров «Огонька» нелестно отозвались о Невзорове, изменилось ли ваше отношение к нему?

– Я не совсем понимаю, зачем он ведёт эту ужасную программу. По-моему, его тоже заставляют. Это происки либо евреев, либо педерастов. То есть это происки крайне правых реакционных сил либо крайне левых прогрессивных, точно не помню. Либо крайне средних.

Мне кажется, что ему лучше подошла бы роль ведущего какой-нибудь другой программы, например «„Бурда моден“ представляет».

– *Сергей Анатольевич, а вы хоть приблизительно представляете, что на самом деле происходит в нашей стране?*

– Мне Гребенщиков говорил, что наша страна куда-то идёт. Кстати, он возглавил движение по переносу столицы из Москвы во Владимир. Только таким путём можно восстановить Российскую государственность и Святую Русь. Меня он обещал назначить Великим князем.

– *Вы христианин?*

– Да, я – православный, хотя всю свою жизнь посвятил каббалистике. Дело в том, что я нашёл ошибку, которую допустили Раймонд Луллий и Альберт Великий при создании Голема. До этого все мои попытки создать Нового Человека приводили меня к созданию Вечного Жида. Кстати, Карл Маркс тоже был Вечным Жидом. Я проследил движение ВЖ (Вечный Жид) в истории. Но в истинном свете я увидел его только в наше время. И долго стоял перед этой тайной, пока не понял, что Вечный Жид – это я. С этого момента я постиг, что Космос – един и что совсем не обязательно исследовать макрокосмос, как это делает вся современная космонавтика. Мы сконструировали космический корабль и отправили его в микрокосмос, то есть во внутренний духовный мир человека. Корабль пилотируют две курицы – Мышка и Пышка. У нас в планах запуск искусственного спутника души. В процессе исследований нам удалось расщепить духовный атом. Таким образом, мы вплотную подошли к созданию духовной атомной бомбы.

– *А кто это «мы»?*

– Я, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Наполеон и Гоголь.

– *Ваше любимое чтение?*

– Некрасов. По чувству юмора с ним может сравниться только Тарас Шевченко, но юмор у Некрасова более изящный. Также очень люблю Борхеса, Розанова, Шестова. Достоевского люблю за невменяемость и мощную многозначительность, прости, Господи, мои прегрешения. Пикуля не люблю, тяжёл для понимания.

– *Любимый композитор?*

– Каравайчук. А вообще-то, любимых композиторов много. Терпеть не могу только Шостаковича. Сумбур вместо музыки. Да и двух шипящих, согласитесь, многовато для одной фамилии. Кстати, Сталин тоже его недолюбливал, а у него, как всем известно, был довольно тонкий вкус.

– *Собираетесь ли вы в ближайшее время где-нибудь гастролировать?*

– Недавно меня пригласили в Италию, то ли на работу, то ли на лечение, я так и не понял. И ещё я готовлю новую программу для Франции. Называется она «Бородино-II». В этой программе я попытаюсь расквитаться с французами за всё.

И ещё два слова о фильме «Два капитана – 2». Фильм, по-моему, художественный. Он рассказывает о том, что Мао Цзэдун и Чан Кайши были сиаемскими близнецами, а не китайскими, как считали до сих пор. Начинается он со сцены концерта «Рок против оргазма». Цель фильма – доказать, что оргазм присущ как живой, так и неживой материи. Это практически всё, что я помню. Извините, но мне уже пора идти копать. Всего доброго.

Интервью

Глава первая Другой

1

Меня зовут Евграф. А фамилия моя – Мальчик. Так уж не повезло – что делать... Имя комическое, и, поскольку речь дальше пойдёт о вещах серьёзных, постараюсь впредь упоминать его как можно реже. Тем более это нетрудно. И всё же... И всё же прошу запомнить: Евграф Мальчик. Герои не должны быть безымянными.

Теперь о деле.

Ещё в законах Ману сказано, что женщины падки на удовольствия, капризны по природе, лишены естественных привязанностей, не ведают священных правил и молитв, да и вообще они – сама лживость. Поэтому тот, кто убьёт женщину или корову, несёт одинаковое наказание. Не стоит удивляться, что ничему хорошему эти чертовки научить не могут. К тому же от них мы узнаём, что иногда храпим.

Словом, обольщаться на их счёт нет повода. Но последняя стрекоза, бронзовая лютка с прозрачными крыльями, та, что свела меня с Курёхиным спустя четырнадцать лет после его смерти, была не чета остальным. Такую, пусть она и провинилась, нельзя отшлёпать даже ромашкой.

Она была небольшой и изящной, как резная шахматная фигурка (кажется, это из Олеши), сам Микеланджело не нашёл бы, что отсечь у неё лишнего; волосы – цвета светлого янтаря, грудь маленькая и тугая, кожа немного смуглая и словно бы звенящая, а глаза... глаза серо-голубые, причём серого больше было в радужке левого, а голубого – в радужке правого. Странные глаза. Она утверждала, что и видит ими по-разному: левый видит всё как есть, а правый присматривает за полётом слов и звуков и различает их цвета. Приведись ей оглохнуть – не дай Бог! – она могла бы речь и музыку просто *смотреть*, как смотрят на цветистую, бьющуюся общим пульсом толкотню бабочек над лугом. Кроме того, спала она всегда на животе, получать удовольствие предпочитала сверху, отлично готовила луковый пирог, умела говорить комплименты, знала, когда это нужно делать, и своим умением/знанием пользовалась. А звали лютку Оля.

Да, чуть не забыл. Под левой ключицей она носила татуировку – пёструю змейку, маленькую, но такую яркую, что на неё садились пчёлы.

С детства Оля жила по разным людям: то с родителями, то у бабушки с дедушкой, то у другой бабушки в Белоруссии, то у тётки в Москве. У неё не было единого, цельного детства, их, детств, было много, причём одно вовсе не являлось фрагментом или продолжением другого – каждое она считала самоценным. Для того чтобы так случилось, она должна была научиться ни к чему не привыкать. И она научилась. Научилась быть не то чтобы равнодушной, но сдержанной. Отсюда навык принимать самостоятельные решения. Теперь ей было двадцать пять, и она была неотразима – красавица, умеющая скрывать свои мысли. Сказать по чести, мне бы очень хотелось стать самоценным куском её жизни. И не только потому, что мне нравилось жить с ней под одним одеялом. Как говорил манерный щёголь Энди Уорхол, красота совершенно не связана с сексом – красота связана с красотой, а секс связан с сексом. Не слишком оригинальная мысль, но в целом верная. Если только под красотой иметь в виду категорию соответствующего порядка, а то Уорхол, например, считал *красотой* расплозшийся по миру, как колорадский жук, «Макдоналдс», куда порядочные люди заходят только отлить.

По молодости лет Оля не знала, кто такой Курёхин. То есть где-то в нижних слоях её памяти мерцало смутное представление о виртуозном питерском проказнике, но живъём его в те славные времена она не видела, а потому и признать в обратившемся к ней почтенном крекере давно похороненного героя никоим образом не могла. Так, напоминает кого-то – не то из области кинофабрикатов, не то из девичьих снов.

Другое дело – я. Школьником однажды я угодил на дикий концерт, полулегально громыхавший в одном из центральных ДК, и воочию видел (слышал тоже), как Гребенщиков грыз на сцене гитару и пилил ножовкой скрипку, Болучевский дул в свою дудку, анемичный Сева Гаккель возил смычком по виолончели, а за ними, фоном, кто-то ещё, кого я не запомнил, производил извержения и каскады всевозможных звуков (впоследствии люди, исполнявшие партии на импровизированных инструментах, получили солидное название «дребездофонисты»). Предводительствовал вдохновенными варварами Сергей Курёхин, который, сняв с рояля крышку, играл на голых струнах ксилофонными молоточками. Как только весь этот чудесный кавардак немножечко стихал, Драгомощенко тянулся к микрофону и начинал читать меланхоличные, тут же проходящие сознание навывлет стихи, что-то вроде:

Как знать, в какие часы, в какие годы обретаешь себя,
остывая беспечно в веренице смутных вещей.

Так я впервые увидел Курёхина. Это было... в общем, в прошлом тысячелетии. В ту пору ещё не изобретена была даже «Поп-механика» и маэстро приходилось думать, как зарабатывать на жизнь, поэтому он был вынужден то служить концертмейстером в студии пантомимы при ЛИСИ, то давить клавиши органа в костёле на Ковенском. А после того как он, явившись в телевизоре, растолковал нам с помощью наглядных средств, что Ленин – гриб, его узнала вся страна.

Тогда он уже завёл ключом своей фантазии пружинку беззаботной «Поп-механики», но вместе с тем продолжал (при всей неугомонности натуры начатых дел он не бросал) сниматься в кино, придумывать невероятные проекты и сочинять музыкальные треки для ленфильмовских лент. Он регулярно и непринуждённо устраивал затейливые мистификации – обаятельный бедокур, он, уподобляясь провидению, отчаянно провоцировал людей на поступки или хотя бы на подобию поступков, никому не позволяя прозябать в грехе уныния. В плане широты жеста и безумия порыва он мог позволить себе всё. Он был гением провокации.

Однажды на фестивале неонконформистского искусства в итальянском городе Бари, где покоятся мощи Николая Чудотворца, он пригласил выступить вместе с «Поп-механикой» в зале местного театра хор женского монастыря. Сперва Курёхин относительно невинно терзал рояль, который тем не менее вряд ли ожидал подобного глумления над своей королевской особой, и эксцентрично дирижировал монашками, а после нанятый загодя конюх вывел на сцену огромного жеребца. Жеребец впервые оказался в театре и оттого, должно быть, сильно возбудился. Девственницы в ужасе заверещали, и тут на сцену выскочил некрореалист Чернов и стал рвать зубами мёртвого осьминога. Публика была в восторге.

Потом на открытой сцене берлинского Темподрома он выступил с Дэвидом Моссом, который под аккомпанемент ревущей «Поп-механики» (десяток саксофонов, два ударника за двумя установками, несколько утыканных заклёпками хеви-металистов с гитарами наперевес etc) в стиле провокативного пения выл что-то на нескольких – попеременно – языках, а вокруг него под началом Африки кружились ряженные русские озорники-перфомансисты с букетами цветов и живыми визжащими поросятами в руках. Определённо Курёхин по-своему любил животных.

Затем Курёхин устроил грандиозный спектакль в «Октябрьском», который (спектакль) в режиме живого времени транслировали по ТВ на всю Россию. «Гляжу в озёра синие» – так называлось представление. На сцену, где бродило стадо гогочущих гусей, вывезли спелёнутую бинтами из серебряной фольги мумию и начали её неторопливо распелёнывать. В результате перед публикой с грушей микрофона в руке появился мурлыкающий Эдуард Хиль – на тот момент и вправду арт-покойник. Курёхин как бы давал ему вторую жизнь. Там много ещё было всяких безобразий, которым, без сомнения, удалось бы подыскать соответствующий ряд в сфере символического, если бы только сам Курёхин не заявил, что ничего, кроме позитивной шизофрении, в этом проекте не было и нет.

Позже, подыгрывая на думских выборах Александру Дугину, он совершил публичный жест и, как положено радикальному художнику, вступил в радикальную национал-большевистскую партию. Получив из рук польщённых отцов-основателей билет за номером 418, он закатил концерт-мистерию в чёрно-багрово-огненных тонах – на сцене раскачивались на качелях ведьмы, вальсировали центурионы, а на крестах заживо горели грешники.

Возможно, я путаю порядок событий – сути это не меняет.

Продолжать перечень его артистических подвигов и великолепных сумасбродств (были ещё истории с тринадцатью арфистками, военно-морским оркестром, Обществом духовного воспитания животных, постановкой «Колобка» в Балтийском Доме, после которой присутствовавший в театре Алексей Герман вздохнул печально: «Мне пора уходить из профессии», предложением Ростроповичу выступить в Кремлёвском дворце дуэтом, но только Ростропович должен играть на рояле, а он, Курёхин, на виолончели и проч.) бессмысленно и даже вредно – слова всё равно не могут выразить всю полноту невыразимой действительности, потому что сами же без умысла обкрадывают её, как фотография, которая, копируя мир, тут же лямзит у него третье измерение. К тому же и у самого Курёхина с объективной действительностью отношения были далеко не самые прозрачные. Словом, описывать его бесчинства бесполезно, поскольку они затмевают любое описание. (Когда я дал послушать Оле «Ибливого Опоссума», она сказала, что комната её стала зелёным аквариумом, по которому в подвижных, колыхающихся бликах света шныряли угри, мурены и каракатицы, а «Воробыиная оратория» попеременно оборачивалась то мусорной выюгой из конфетных фантиков и тополиного пуха, то звездопадом, прошивающим лиловое ночное небо.)

В аморфном теле питерского моллюска, того существа, что сидит в лощёной ракушке СПб, чувствует, переживает, пудрит носик и делает это обиталище *живым*, Курёхин был особым и очень важным органом, отвечающим за качество и поражающую силу его (моллюска) чернильной бомбы (допустим, брюхоногие пускают такие бомбы), его завораживающего иллюзиона странностей. Чего он мог бы пожелать ещё? Залезть в рояль и там похрюкать? Так он уже и это делал. Он даже дирижировал ногами. Что дальше? Ничего. По крайней мере, на ниве арт-провокации. Здесь он достиг предела – как выпущенный из жерла снаряд, он вдребезги поразил цель. Но цветная кровь прирождённого мистификатора, проворно хлопотавшая в его аорте, не давала ему покоя, более того – вопреки всякой позитивной шизофрении требовала в деле строительства личной истории известной логики. Чтобы, не повторяясь, сделать что-то сверх сделанного, надо было начать всё сызнова, надо было, положась на законы небесной баллистики, рассчитать новую траекторию полёта, чтобы невзначай не угодить в одну и ту же цель дважды, поскольку дважды поражённая цель, как дважды повторённая шутка, разом свидетельствует о недостатке вкуса, ограниченном арсенале возможностей и наличии пристрастий маниакального свойства. Кому приятно знать о себе такую дрянь?

Именно поэтому, должно быть, он заблаговременно придумал себе редкую сердечную болезнь и вскоре умер, ушёл в объятия загробной зги. О том, что он остался жить, не подозревала даже жена Настя. Бог ему судья.

2

Такова предыстория. Дальше начинается собственно история.

Оля была аспиранткой на кафедре металлогении в Горном институте, хотя к лицу ей больше бы пошли гуманитарные дисциплины. Что-нибудь вроде скандинавской филологии. Вероятно, кочевое детство и определило впоследствии выбор профессии: ведь геолог, в сущности, тот же номад, только сделанный из вторсырья, *восстановленный*, что ли. С нукером Чингисхана геолог соотносится примерно как белуха с белугой, поскольку он, как и прочие киты/дельфины, определённым образом вернулся в исходную стихию жизни с уже обрётённой суши. Оттого теперь приходится периодически всплывать за глотком атмосферного кислорода. Впрочем, Оля всё-таки вела по преимуществу оседлый образ жизни и не торопясь писала кандидатскую (что-то о докембрийских комплексах Балтийского щита по результатам сверхглубокого бурения), так что урочное время проводила не в поле, а в библиотеке или институтской лаборатории, где мудрила над колбасками керна. Ну а неурочное... На него претендовал я.

Мы познакомились 4 апреля 2010-го, на Пасху. Тогда мне довелось попасть в случайную компанию – заехал к одному не очень близкому приятелю-медику за баночкой эфира (я занимаюсь тем, что составляю на продажу коллекции жесткокрылых и художественные композиции из них же – работа по сбору материала сезонная, лучше подготовить всё заранее) и напоролся на застолье. Гостей было человек восемь, все сидели в комнате, увешанной тяжёлыми вялыми коврами, как в утробе шемаханской сакли, и я никого, кроме хозяина, практически не знал.

Её я заметил сразу (отнюдь не из-за озорно горевшей под ключицей змейки, хотя из-за неё, пожалуй, тоже) и, помню, удивился, что она, явно находясь в приятельской компании, была при этом решительно *ничья*. На столе среди ломтей кулича, бутылок вина и скоромных закусок стояли два блюда с крашенками и писанками, так что вскоре гости, как водится, стали биться. На своём краю стола победил я, на другом – она. Мы сошлись, и она, коварно скосив удар, тюкнула носиком своего яйца моему отчасти вбок. Разумеется, моё хрустнуло. Я не обиделся, но мстительно подумал, что по повадкам она похожа на тургеневскую девушку, год отработавшую на панели. Стоит ли говорить, что я ошибся? Она скорее походила на тех невиданных райских птиц, которые питаются нектаром и росой, всю жизнь проводят в воздухе и даже не имеют ног, из-за чего самке приходится высиживать потомство на спине самца. Да и умирать они улетают на третье небо, откуда на землю не осыпаются перья.

Вообще, часто так выходит, что людей поначалу принимают не за тех, кем они являются в действительности, а за тех, кого они в себе сами видят. Бывает, люди думают о себе хуже, чем следует, и это неприятно, пока не поймёшь, что они – а вслед за ними и ты – ошибаются. Бывает, люди без ясного основания видят себя в лучшем свете, и это подчас тоже сбивает с толку. Обычная история. Скажем, вы встречаетесь с человеком, в котором сто двадцать килограммов живого веса, но если он этого не замечает, если ему всё равно, то и вам плевать. Может, в нём все сто сорок – вам-то что?

В тот день мы с Олей только невинно похристосовались, однако я попросил номер её трубки, и она без колебаний мне его дала. На завтра мы до полуночи таскались по разным клубам и кафешкам, пили коньяк, угощали друг друга изысканными беседами, делились вкусами и со значением смотрели друг другу в глаза. А после третьей встречи мы уже были полноценными любовниками – с тех пор я ношу на теле её лёгкий чистый запах, а во рту – вкус её мерцающей помады, которой, видно, обречён питаться, пока у женщин существуют губы.

3

Стоял август, канун Медового Спаса, когда мы с Олей, сидя на Большой Конюшенной под зелёным зонтом с ламбрекенами, пили «Утреннюю росу», разведённую грейпфрутовым соком. За день до того мы вернулись с Черемнецкого озера, где все выходные в тёплой компании провели на даче моего приятеля, до того барственного, что, когда он приезжал в деревню, на колени падали даже коровы. Там между купанием, шашлыками и копчением загодя отловленной на Мальцевском рынке форели я поймал двух жужелиц-гортенсисов, фрячника и чёрного елового дровосека, такого здорового и усатого, что он едва уместился в пустой сигаретной пачке, где неугомонно шуршал и поскрипывал, пока я наконец не уморил его добытым ещё на Пасху эфиром. Так вот, мы сидели за уличным столиком на Большой Конюшенной и ждали одного типа, для которого Оля состряпала какую-то научную халтуру.

Никогда прежде ни этого, ни кого-либо другого из её заказчиков я не видел – не очень-то хотелось, – но тут так вышло, что из-за поездки на Черемнецкое озеро Оля не сдала работу в срок и теперь, имея повод для чувства небольшой вины, не могла отказаться от встречи, хотя мы собирались с ней провести в Приморском парке гастролирующий китайский инсектарий.

Вскоре рядом с моей потрёпанной «десяткой» припарковалась новая «тойота», похожая на мокрую оливку, поскольку даже стёкла у неё были тонированы под цвет полированного кузова, – последний писк жёлтой инженерной мысли – из выхлопной трубы этой штуки, кажется, пахло духами. Почти беззвучно, словно книга, открылась и закрылась дверь «тойоты», и к нашему столику направился бородатый кекс, отдалённо напоминающий Карла I с портрета Ван Дейка и всех рембрандтовских ночных дозорных сразу (фасонистая эспаньолка и разлетающиеся в стороны усы). При этом он был в тёмных очках, шортах и оранжевой футболке с жирной надписью «Другой». На лице его блуждала рассеянная улыбка; благодаря породистому худощавому сложению и лёгкости движений он явно выглядел моложе своих лет.

Эспаньолка поздоровался с Олей и протянул руку мне.

– Сергей Анатольевич, – представился он и снял очки.

– Евграф, – сказал я и зачем-то добавил: – Евграф Мальчик.

– Как же, как же, – сказал он. – Знакомый номер.

Я пожал ему руку, заглянул в глаза и разом смешался.

Ничего как будто не произошло, но я вдруг сбился с толку подчистую. Так уже случалось прежде. Скажем, когда я в детстве пробовал решить логическую тарабарщину про птичников. Попробуйте сами. В некотором царстве, в некотором государстве живут семь любителей птиц. И фамилии у них тоже птичьи. Причём каждый из них – «тёзка» птицы, которой владеет один из его приятелей. У троих птичников живут птицы, которые темнее, чем пернатые «тёзки» их хозяев. «Тёзка» птицы, которая живёт у Воронова, женат. Голубев и Канарейкин – единственные холостяки из всей честной компании. Хозяин грача женат на сестре жены Чайкина. Невеста хозяина ворона очень не любит птицу, с которой возится её жених. «Тёзка» птицы, которая живёт у Грачёва, – хозяин канарейки. Птица, которая приходится «тёзкой» владельцу попугая, принадлежит «тёзке» той птицы, которой владеет Воронов. При этом у голубя и попугая оперение светлое. Вопрос: кому принадлежит скворец?

Словом, так случалось, когда я на ходу врезался в полный бред. Когда и вправду немудрено смешаться. *Я его узнал.* Сразу и без колебаний. Хотя понятия не имел: *как такое может быть?* Событься с толку поневоле.

Как отметил Конрад Лоренц, обычно, оказавшись в замешательстве, в ситуации внутреннего противоречия, человек, подобно другим зверюшкам, находит облегчение в каком-

нибудь нейтральном действии, в совершении чего-то такого, что не имеет отношения ни к одному из борющихся в нём двойственных мотивов, но, напротив, позволяет продемонстрировать своё безучастие к их противоборству. На языке науки это называется смещённым действием, а на человеческом языке – жестом смущения. Большинство моих знакомых в случае замешательства, в ситуации любого душевного конфликта делают одно и то же – достают сигареты и щёлкают зажигалкой.

Я закурил и отхлебнул из стакана «Утреннюю росу» с грейпфрутовым соком.

Оля тем временем раскладывала на столе какие-то бумаги и кратко комментировала их содержание. Там были мудрёные схемы, геологические колонки и просто текстовые распечатки в формате нумерованных списков – короче, самая что ни на есть учёная лабуда. Что тут могло *её* заинтересовать?

– А что, – подкупаяще улыбнулся четырнадцатилетний покойник, – золотиносного оливинового пояса, к которому прожёл дыру инженер Гарин, действительно нет?

– Как и волшебной дверцы в каморке папы Карло. – Оля вернула собеседнику невинную улыбку.

Надо сказать, она отлично владела техникой беззащитного взгляда – бывает, спросит: «Нет ли у тебя лимона к чаю?» – и так посмотрит, что сердце замирает от нежности и умиления. Очень сильное оружие. По счастью, она им пользовалась не сознательно, а интуитивно, что значительно повышало его поражающую силу – хотелось тут же Олю погладить и прижать к груди, и вместе с тем сама мысль об этом выглядела святотатством.

Порой, после опустошающих приступов пресыщенности (хотя ничем особенно, казалось бы, по жизни не злоупотребляешь), когда срываешься с объезженной лошадки на карусели ежедневной тщеты, остро хочется такого влечения, которое нельзя осуществить ни одним из опробованных доселе способов – ни телесным, ни интеллектуальным, никаким. Возможно, в этом желании есть что-то близкое к религиозному чувству, но что мы, такие маленькие, можем знать об этом? Иногда мне кажется, что в образе Оли я подобное влечение обрёл.

– Выходит, никаких... мм... интригующих сведений о залежах драгметаллов в недрах сверхглубокое бурение не дало?

– Почему же – дало. – Оля, пролистав бумаги, выдернула нужную страницу. – Вот, пожалуйста... В Кольской скважине на глубине от девяти с половиной до десяти с половиной километров неожиданно была обнаружена золото-серебряная минерализация трещинных структур. Золотого оруденения такого содержания в этом районе никто не ожидал. Однако о промышленной разработке в данном случае говорить не приходится – рентабельность добычи с таких глубин золотиносной породы, да и любых других уникальных рудных ископаемых, очень проблематична. Чтобы это предприятие стало коммерчески целесообразным, надо использовать какие-то новые, неизвестные сейчас технологии.

Слышать от глазастой стрекозы-лютки столь причудливые речи мне прежде не доводилось. Поэтому, наверно, в моём сознании они с её обликом не вязались, как не вяжется мороженое с вполне, казалось бы, полезной штукой – чесноком. Впрочем, я в тот момент был увлечён другим – исследовал украдкой Эспаньолку.

– А если бы вдруг напоролись на жилу чистого золота? Толстую, метров в десять? Или в сто?

– Таких не бывает. – Оля, со всей убеждённости специалиста по металлогении, снисходительно улыбнулась.

– Это приговор? – не унимался покойник. – Если, скажем, на глубине четырнадцати километров такая жила будет обнаружена, горняки рассмеются?

На столе лежала моя пачка сигарет; Оля поставила её стоймя и наподдала пальчиком. Что-то в вопросе Эспаньолки всё-таки её смутило.

– Нет, это не приговор, – задумчиво созналась лютка. – Опыт сверхглубокого бурения практически всегда показывает расхождение реального и проектного разрезов уже с глубины двух-трёх километров. Если честно, все давно привыкли, что полученные из сверхглубоких скважин материалы всякий раз становятся своего рода вызовом, поскольку свидетельствуют о нашем глубоком незнании состава и строения земной коры, не говоря уже о процессах, в ней происходящих. В разрезе той же Кольской скважины, к примеру, на глубине семи километров вместо предполагаемого базальтового слоя вскрыли гранитно-гнейсовый.

– Спасибо, – как-то сразу оживился и повеселел заказчик. – Значит, здесь можно вкручивать как хочешь. Даже поперёк резьбы. Я это и хотел узнать. – Он поиграл в руках очками. – А говорят ещё, из Кольской скважины на проходе двенадцатого километра вылетел огненный дух из породы ифритов, покругил вокруг, потом взял курс на Москву и сгинул.

– Я слышала об этом, – рассмеялась Оля. – Думаю, это такой самобытный сверхглубокий фольклор.

На торцевой стене дома, смотрящей на финскую церковь, две спутниковые антенны были направлены радикально вниз. Должно быть, ловили новости из преисподней.

– Скажите, Сергей Анатольевич, – я раздавил, как вредную и злую тварь, в пепельнице сигарету, – вам никто не говорил, что вы похожи...

– На Карла Первого с холста Ван Дейка? – Он, видно, что-то уловил в моём взгляде, поэтому ещё в полёте ловко упредил и мигом перенацелил мой вопрос. – Говорили. Но я другой. – И Курёхин выпятил оранжевую грудь, на которой был жирно начертан титр к этому кадру.

4

Потом он незаметно выудил откуда-то (ни сумки, ни бумажника у него в руках не было) визитку с джокером у левого края и протянул мне. На бежевом прямоугольнике, матовом и почему-то прохладном на ощупь, я прочитал:

Закрытое акционерное общество
«ЛЕММИНКЯЙНЕН»
АБАРБАРЧУК
Сергей Анатольевич
Генеральный директор

Адрес
Факс
Тел.

Адрес, факс и телефон на карточке были псковскими. Подумав, Абарбарчук забрал у меня визитку и написал на ней номер мобильной трубки. Пока он это делал, я рассмотрел японскую оливку: регион на номерном знаке тоже стоял псковский – 60.

Вот, значит, как. Он, стало быть, нырнул в провинцию, в глубинку и там таился. Поначалу, видимо, совсем в дыре, в каком-нибудь уездном захолустье, где-нибудь в Пустошке или спустился на самое что ни на есть глухое Дно... Ну да, в столицах он инкогнито не прожил бы и пары суток. А так – отрастил волос на лице и даже имени менять не надо. За именем-то, что ни говори, ангел-хранитель стоит, а за фамилией – никого, кроме дедов. Их, впрочем, тоже обижать не стоит. Потому я до сих пор и Мальчик.

– Туристическим бизнесом промышленяете? – Я щёлкнул ногтем по не очень внятной визитке. – Путёвки в зелёную Калевалу и ледяную Похьолу?

– Ошибаетесь, – сказал Абарбарчук-Курёхин. – Мы по другой части. Девиз нашей фирмы: розыгрыш – другу, кара – врагу. Пикантная работа.

– А почему же «Лемминкяйнен»?

Ветер сдул со стола один из Олиных листков, но Сергей ловко поправил его сандалетой и водворил на место.

– Потому что он – трикстер безбашенный. Редкой несуразности персонаж – мусорный какой-то. За что ни возьмётся, всё у него вздор выходит.

– Не вижу логики, – не увидел я логики и вдохнул вновь налетевший ветер.

– В своё время на углу Фонтанки и улицы Ломоносова поставили на капремонт дом, – с готовностью пояснил Курёхин. – Один год на нём висел баннер – мол, строительно-ремонтные работы здесь осуществляет фирма «Лемминкяйнен». Тогда меня это здорово позабавило. Конторе с таким названием нельзя доверять дело строительства, ей можно доверить только дело разрушения. Я оказался прав. После «Лемминкяйнена» там лет пятнадцать были руины, а теперь – какой-то банковский центр. То есть – тоже гиблое место.

– Поучительная история, – согласился я. – Так чем же всё-таки вы занимаетесь?

– Оказываем особого рода услуги. Как следует из девиза – мистифицируем друзей наших клиентов и караем врагов. С условием, конечно, – друг может быть любым, но враг – всегда прохвост. – Лицо Курёхина осветила какая-то залихватская грёза. – Мир полон несправедливости. Однако мелкой, но своевременной репрессией подчас можно предупредить большое злодейство. Уверяю вас, «Лемминкяйнен» – очень серьёзная фирма. Мы организуем клиентам розыгрыши и неприятности на любой вкус и с отменным качеством – ассортимент у нас практически не ограничен. Мы даже получили лицензию на производ-

ство несчастных случаев. Разумеется, стихийные бедствия и климатические катаклизмы находятся в ведении государственных организаций, но мы готовы довольствоваться малым. Курица, как говорится, по зёрнышку клюёт. Мы можем в любой момент устроить человеку диарею, уронить его в люк, разрушить ему карьеру, заставить полюбить козла, замучить ночными телефонными звонками, несмертельно отравить мармеладом... Сценарной разработкой мероприятий у нас занимаются высококлассные специалисты. – Абарбарчук на миг задумался, как бы усомнившись в вескости своих слов. – Хотя, признаться, из-под полы мы можем предложить заказчикам и кое-что поосновательнее.

– А кто решает, что враг – прохвост? – Иногда всё же Оля изменяла своей привычной сдержанности и говорила то, что первым приходило ей на ум.

– С этим делом у нас всё в порядке – полный волонтаризм, – заверил лютку генеральный директор «Лемминкяйнена», вновь надевая тёмные очки. – Я сам и решаю. Потому что достиг состояния максимальной реализации и теперь, собственно, уже не являюсь человеком в том смысле слова, который подразумевает... мм... колеблющуюся индивидуальность. Я – трансцендентный человек, каким описывал его Генон. – Сергей посмотрел на меня, но глаз его за чёрными стёклами мне разглядеть не удалось. – Я уже оставил позади все состояния человеческого уровня существования и, можно сказать, умер. Следовательно, освобожден и от свойственных всем этим состояниям специфических предрассудков и ограничений. Да и вообще от всех предрассудков и ограничений, каковы бы они ни были. – Курёхин улыбнулся своей неповторимой улыбкой и обратился ко мне – именно и только ко мне: – Я открываю в Петербурге филиал. Если хотите, Евграф Мальчик, с нами поработать – милости прошу. Звоните.

С этими словами он собрал со столика бумаги, положил перед Олей смявшийся в кармане шортов конверт с гонораром, поблагодарил, раскланялся и сгинул в своей японской железяке.

Некоторое время мы ещё сидели с люткой в тени зонта на раскалённой Большой Конюшенной. По улице ползли машины, от сидящей за соседним столиком старушки доносился запах жареных семечек, студент в синем фартуке сметал с терракотовой плитки тротуара окурки и всякий летний вздор. Я попытался расспросить лютку об этом... Абарбарчуке. Но ничего существенного она не сказала. Однажды он появился на кафедре металлогении в Горном (Оля там была одна: лето – пора отпусков и кочеваний в поле), вежливо поговорил о насущных нуждах академической науки и, сославшись на недоверие к Тенётам, попросил составить ему краткую справку о результатах сверхглубокого бурения в России и за её пределами, с указанием странностей и всевозможных курьёзов, с какими приходилось сталкиваться бурильщикам и геологам, а также дать список ведущих специалистов в этой области. Посулил денег. Оля справку добросовестно составила. Вот, собственно, и всё.

Потом, допив «Росу» с грейпфрутом и оседлав мою «десятку», мы доехали-таки до гастролирующего инсектария, и мне даже удалось втридешева купить у одного курносого китайца из obsługi нескольких дохлых жуков весьма экзотического вида: двух африканских пятнистых стефанорин, американского леопардового восковика, индонезийского рогача и – самая диковина – китайского ветвисторога. При этом все членики на лапках и усах у них были в полном комплекте – ну разве не удача? Отмочу в эксикаторе и распну на пробке.

Глава вторая

Перекуём орала на свистела

1

Человеческая жизнь нелепа, суетна и загадочна. Взять хоть меня. Имея природную склонность к эзотерике, так что дома составила даже кое-какая герметическая библиотека, закончил журфак, а зарабатываю на жизнь жуками. Метафизика, рептильный прагматизм и любовь к жесткокрылым, как клёпки бочку, сложили человека, а уж каким ловким обручем всё это стянуто – бог весть.

Разумеется, я позвонил. Не то чтобы обрыдли будни, просто не было причин чураться перемен.

В «Письмах из Древней Греции» Генис сообщает, что, мол, память о первоначалах была законной частью повседневного опыта греков. Что же касается народов, пришедших им на смену, и в частности русских, то история для них растворяется в мглистом прошлом: чем дальше в лес, тем меньше мы о ней знаем. У греков наоборот: самой яркой страницей была первая. Они, как Лев Толстой, помнили себя с порога материнской утробы – каждый город чтит своего основателя, у каждого закона был свой творец, у каждого обычая – своя причина. С этой точки зрения мы здесь в СПб – сущие эллины. Город встал едва не в одночасье, и мы знаем (или думаем, что знаем), по чьей воле. Все местные призраки откликаются на имена, которые живым известны, все здешние традиции имеют родословную, вплоть до Дня созерцания корюшки, учреждённого в девяносто шестом с лёгкой руки корюшковеда Звягина. Тут вообще как-то лучше с памятью.

Мимолётная встреча на Большой Конюшенной в канун Медового Спаса тоже достойна включения в анналы, поскольку именно её, строго говоря, следует взять за точку отсчёта в хронике самой грандиозной авантюры, известной человечеству со времён строительства Вавилонской башни.

Однако всё по порядку.

Итак, я позвонил ему. Мы встретились под Лугой, на нейтральной полосе, в придорожном трактире с не то психоделическим, не то трансперсональным (уже не вспомнить, что там что) названием «Дымок». Крыльцо едальни выходило прямо на Киевскую трассу, поэтому отыскать заведение было нетрудно.

Абарбарчук (чтобы избавиться от излишней рефлексии по поводу его истинной личности, впредь я буду называть Абарбарчука-Курёхина просто Капитан – так будет лучше) – в тех же усах и эспаньолке – вкушал индейку с грибами, задумчиво орудуя чуть выдающейся вперёд челюстью. Себе я заказал телятину в горшочке и стакан каберне. Было так жарко, что вороны снаружи летали с открытыми клювами, а из земли дрожащим маревом поднималась тоска. Вероятно, следовало обойтись мороженым в клетчатом вафельном стаканчике, но пахло здесь так аппетитно, что легче оказалось поддаться и отведать что-нибудь, чем устоять.

– Вы страдаете химической зависимостью? – услышав о стакане каберне, спросил Капитан.

– Нет, – нашёлся я, – я ею наслаждаюсь.

На стойке, рядом с кассой, стояла широкая ваза с фруктами. В компанию розовощёких яблок, бледных китайских груш и ноздреватых апельсинов втёрся косматый кокос, который,

если смотреть на него с макушки, походил на злого трёхглазого зверька. Я прибавил к заказу китайскую грушу и подсел за столик к директору затейливой конторы.

Еду и вино подали на удивление быстро.

– Я хочу с вами работать, – сказал я так решительно, будто в случае отказа готов был прибегнуть к шантажу.

– Прекрасно. – Конечно, он ещё при первой встрече понял, что я его узнал, и, надо думать, был доволен моим таинственным молчанием. – Тогда вам следует пройти тестирование, а вслед за тем – инициацию.

– Инициацию?

– При поступлении на службу в «Лемминкяйнен» женщинам мы отсекаем фалангу мизинца, а мужчинам – ухо.

Я промокнул салфеткой губы и отхлебнул из стакана каберне. В своё время на ТВ Капитан с необычайно глубокомысленным видом неоднократно пудрил людям мозги – если бы я этого не видел, то, ей-богу, не понял бы, что он шутит. Впрочем, то, что он всю жизнь делал, шуткой всё-таки назвать никак нельзя.

Поковыряв вилкой грибы (к ним, как и к братьям нашим меньшим, он, видимо, имел пристрастие), после умеренной паузы, в ожидании возможных с моей стороны уточнений, Капитан спросил, какое качество в людях кажется мне самым скверным?

– Стяжательство и алчность. – Мне даже не потребовалось времени на размышление – давящиеся за копейку соотечественники, непомерно расплодившиеся вокруг, едва только Россию покрыла своей тушкой прагматическая «американская мечта», меня достали. – Ещё Фламель-философ говорил, что большая часть прегрешений ведёт начало от жажды золота, которая прёт к нам из донной слизи преисподней, и что алчность – корень всякого греха. Ведь жажда денег относится к разряду тех вещей, которые способны доставлять человеку как непомерную радость, так и огромное горе, что, как известно, в равной мере ослабляет разум.

Выслушав меня с большим вниманием, Капитан полюбопытствовал, что я, Евграф Мальчик, думаю о времени? Вообще о времени?

Мысленно я отправил его далеко – к инвалиду Хокингу, а вслух сказал, что не могу судить о природе этого предмета, так как недостаточно осведомлён о Божественном замысле, но могу изъяснить своё к нему (времени) сугубо личное отношение.

– Довольно и отношения, – милостиво согласился Капитан.

– Время – это такая медленная пуля. – Я отправил в рот кусок протомлённого в горшочке мяса, вполне, надо сказать, приличного. – А вообще мне нравится, как просто и легко смотрел на то, что мы здесь называем временем, античный мир. Он не думал о свёрнутом, как свиток, небе, не думал о конце истории, не представлял его и потому не ждал. Античный мир помнил прошлое, жил настоящим и мало заботился о будущем, поскольку считал будущее как бы уже состоявшимся. Отсюда беспредельное доверие оракулу Аполлона Пифийского. Ведь пифия прорицала будущее как уже случившееся – оно уже есть, просто лежит за горизонтом, будто ионийский берег, просто человеку его пока не видно. Отсюда и тяга людей Античности жить настоящим, сознавая, что самый интересный человек – тот, с кем я говорю *сейчас*, а самое важное событие в жизни – то, что происходит со мной *в данную минуту*.

Из этого наблюдения – о пифиях, прозревающих будущее во всю его длину так, будто оно всего лишь невидимая часть прошлого, – можно было бы сделать интересные выводы относительно способов манифестации «тонкого» мира в пределах мира «толстого», но *в данную минуту* у меня почему-то отсутствовало всякое желание этим заниматься. Поэтому, полностью согласуясь с античным отношением ко времени, никаких выводов я делать не стал.

– И что? – поинтересовался Капитан. – Стяжательство там было не в чести?

– И да и нет, – сознался я. – Вырождаясь, люди и цивилизации теряют способность к величию бескорыстного порыва и становятся меркантильными. При этом они всегда подчёркивают своё внешнее величие и богатство, как бы говоря, что, если бы дела их шли из рук вон плохо, разве им было бы настолько хорошо – им, таким великолепным и богатым? Античность тут, увы, не исключение.

подавальщица с лицом товарища, лицом лесбиянки, принесла Капитану бутылку минеральной воды и стакан.

– Вы правы, – согласился он, за время моих витийств практически разделавшийся с погребённой в грибах индейкой. – Но дело не только и не столько в корыстолюбии. В конце концов, деньги можно зарабатывать и для того, чтобы иметь возможность бескорыстно жить внутри культуры, где, собственно, нам самое место.

Я не возражал. Также я ничего не имел против его следующей мысли: культура – это то, что придаёт жизни смысл. Культура – это когда человек добровольно делает что-то задаром ради того, что, в общем, не совсем осознаёт и что, как это ни странно, совершенно лишено смысла. С чем тут спорить?

– Однако о стяжательстве, – вернул Капитан разговор в покинутое русло. – Дело в том, что философия чистогана обманывает природу человека и, передёргивая карты, производит подмену желаемого. А вот за это уже бьют.

По его словам выходило, что в меркантильном мире, где мерилом успеха становятся деньги и всё имеет свою цену, человек, желающий утром получать на стол буженину с омлетом, а вечером – любовь женщины, сначала должен раздобыть к этому средства. Но во всякой вещи рано или поздно заводятся черви. Постепенно деньги, этот промежуточный агент, выполняющий функцию поставщика удовольствий, узурпируют свойство быть желаемыми и сами незаконно становятся предметом вожделения. Утоление жажды денег теперь – такая же потребность, как, собственно, утоление жажды. (Наглядно иллюстрируя свои слова, Капитан налил в стакан минеральной воды и тут же отпил половину.) То есть деньги превращаются в источник чистого наслаждения. Но именно этот путь – путь следования принципам чистого наслаждения – по преимуществу и является для человека самым роковым и гибельным. В качестве примера Капитан привёл довольно дикий случай. Однажды в юности он угодил в наркоманский вертеп, где стал свидетелем необычайной сцены. Какой-то гусь в наколках никак не мог попасть себе иглой в вену – ни на руке, ни на щиколотке. Намучившись, он расстегнул штаны и заорал на весь притон: «Коза, иди сосать!» Откуда-то пришла «коза» и стала сосать. Оба знали, что это нужно только для того, чтобы надулась вена, в которую гусь не промахнётся. Но ведь в пределах человеческого естества это чудовищный обман желаемого!

История меня впечатлила. Предложи мне навскидку добыть яркую картинку из юности, на память пришла бы деревенская старуха (лето, дача), утонувшая в глинистом пожарном пруду, – её зацепили багром, и тут же в воде поднялась кутерьма: разом от утопленницы во все стороны метнулись сотни присосавшихся водомеров, головастика, жуков-плавунцов, водяных скорпионов и гладышей. Когда её хоронили, гроб мимо овсов с васильками везли по просёлку на кладбище, а бабы из грузовичка бросали в пыль еловые лапы – чтобы смерть, боясь уколоть ноги, не вернулась к живым.

– И что вы предлагаете? – решил я выяснить, к чему он клонит.

А предлагал он вот что. Искусство высшего порядка, если можно так об искусстве, заключается в попытке создания вокруг себя такой реальности, которая тебе угодна. В этой реальности ему, Капитану, не хотелось бы оставлять порок безнаказанным. Так в своё время шарлатанов-лжеалхимиков, одолеваемых жаждой наживы, вешали на золочёных виселицах. Это было живописно и правильно.

– Мне кажется, – заключил он, – в назидание миру самый меркантильный человечник должен быть разрушен.

– Какими средствами?

Похоже, у него были ответы на все вопросы: асимметричной войной. Надо противопоставить силу слабого слабости сильного. То есть всё сводится к поэзии поступка, гармонической и стилистической организации того пространства, до которого дотянешься.

– А что такое поэзия поступка? Переход улицы в неположенном месте?

– Зачем же... – Капитан подчистую покончил с индейкой и отодвинул в сторону тарелку. – Искусство – это не переход улицы в неположенном месте. Искусство – это единственная область, где безграничным законом, основным законом и самым, кажется, сейчас забытым является полная и абсолютная свобода.

Ну вот. Какой он после этого Абарбарчук. Абарбарчуку, без обиды будь сказано, до него, как Карлсону до ангела.

– Показательное разрушение самого меркантильного человечника – это программа-максимум?

– Там видно будет.

– Ну что же, – согласился я, – согласен. Можете тестировать.

Есть люди, не похожие на кретинов, но таковыми, безусловно, являющиеся. Я, кажется, из их числа.

– Уже.

– Что, – не сразу понял я, – уже?

– Уже тестировал. Вы нам подходите. Сердечно поздравляю.

Вновь появилась подавальщица и с трепетным дрожанием руки, сопровождавшимся бряцанием ложечки на блюде, поставила перед Капитаном дымящуюся чашку кофе. Рядом несколько застенчиво, что выглядело неуместно, положила счёт. В ответ Капитан извлёк из-под стола бумажник и, по-товарищески улыбнувшись подавальщице, сказал:

– Деньги всего лишь теплы, а кофе и любовь должны быть горячими.

2

Про инициацию речь больше не шла – сказано ведь, о чём свидетельствует дважды повторённая шутка.

Запив телятину последней каплей каберне, я вонзил зубы в китайскую грушу, но был разочарован: на вкус она оказалась – чистая редиска. Даже хрустела так же.

Чтобы решить формальности и познакомиться с командой «Лемминкяйнена», Капитан предложил прокатиться до Пскова. Поскольку Оля временами жила у меня, а временами ночевала у матери (не столько из своих номадических привычек, сколько из молчаливого обоюдного уговора – чтобы иногда разгонять кровь и давать друг другу повод для пустяковой ревности), мне порой выпадал беспризорный, скрытый от разноцветных Олиных глаз досуг, так что я легко согласился, – сегодня был как раз такой случай.

Что касается запертой в скобки пустяковой ревности, то упоминание о ней отнюдь не значит, будто разгулу полнокровных страстей я предпочитаю всякие эрзац-страстишки. Я не сторонник трепещущего взгляда на эти вещи (полнокровные страсти, вплоть до страданий Иова), мне нравится смотреть на них прямо, хоть в этом, если разобраться, и нет особой доблести, а есть лишь «трезвость самоотчёта», как говорит мой барственный приятель, владелец дачи на Черемнецком озере. Бывает, человеку собственная жизнь вдруг представляется несчастной, одинокой, набитой до краёв напрасной скорбью – кажется, ещё немного, крошечку, чуть-чуть, и ты будешь бесповоротно сметён куда-то за человеческий предел. Но именно такие минуты как раз и заключают в себе полноту бытия. Когда жизнь перестаёт быть глянцевою карамелькой, петушком на палочке, и становится свирепой тварью, сосущей из человека растворённый тоской рассудок, именно тогда мир и устремляет на него свой оловянный взгляд. Ему оказывают внимание – нет, не люди, не злополучный *человечник* (людское признание даёт приятное, однако абсолютно лживое чувство включённости в желанное пространство жизни – и только), а тот самый мир, который больше человека и, следовательно, всего человеческого во столько раз, во сколько клубящаяся над лугом гроза больше капли росы на листе мышиного горошка. Следовательно, в такую пору человек менее всего одинок.

На деле, конечно, далеко не каждый станет добровольно вызывать на себя, червя такого, оловянный взгляд мира – слишком это хлопотно, рискованно, затратно. К тому же и впавшая в маразм гуманистическая практика не велит. А между тем идея гуманизма, языком жаркой лавы истекшая из недр Европы, изначально мертва и бесчувственна, поскольку неспособна, в силу своей минеральной природы, впитать и понять естественность непоправимого трагизма жизни. Всеобщего счастья и гармонии никогда не будет, как не будет и всеобщего примирения людей. Христианство своим порядком вбирает в себя это противоречие, так как, с одной стороны, не верит в прочность и постоянство людских добродетелей, а с другой – долгое благоденствие и покой души считает вредным. Горе, страдание, разорение, обиду христианство называет порой *посещением Божиим*, в то время как гуманизм просто хочет стереть с лица земли эти необходимые и даже полезные для человека обиды, горести и печали. Милосердию и состраданию следует подчиниться суровым, но неизменным истинам земного бытия. Ведь именно об этом писал Леонтьев: «Терпите! Всем лучше никогда не будет! Одним будет лучше, другим станет хуже. Взаимные колебания горести и боли – такова единственно возможная на Земле гармония. И больше ничего не ждите».

И не ждём.

А что – не собрался ли хозяин «Лемминкяйнена», понаторевший в озорном протействе Капитан, ваяющий окрест себя удобную себе реальность, поменять местами полюса благоденствия и разорения, полюса самодовольства и беды? Сначала он ушёл от суеты и, как

подобает трансцендентному человеку, сделал это решительно. Теперь он хочет, чтобы мир сплясал с ним в паре полечку, не очень, кажется, заботясь о последствиях, как для себя, так и для тех, кого он приведёт с собой на этот бешеный танцпол. Что ж, может быть, и вправду *путь* – это нечто более существенное, чем праведность? Может, если взглянуть на сущее примерно с этого угла, то вещи вроде праведности и впрямь покажутся незначительными?

Тем временем мы уже проехали Заполье. Капитан деликатно не разгонялся больше ста тридцати, что мою «десятку» вполне устраивало. Я шпарил в хвосте ароматной «тойоты» и думал, глядя в полированный зад японской железяки, что раз на то пошло, то по логике экологического сознания из ненавистной выхлопной трубы должно нести не кёльнской водой, а конскими яблоками.

Вокруг, под голубым с поволокой небом, всё в зелёно-жёлтых завитках и выкрутасах, словно овечья кошма, развёртывалось пространство. Как будто вечное. Как будто то же. И уже не то. Что-то менялось в самой земле. Хотя, казалось бы, что может в ней меняться? Что-то менялось в покрывающей её воле. Окрестности трассы давно уже были обустроены и в плане частной жизни, и под нужды мимолётных автомобилистов (от автозаправок и станций техобслуживания до летних душевых кабинок и передвижных борделей-автокемперов), но обустройство шло и дальше, вглубь. Ещё лет семь назад, в каком-нибудь 2003-м, разбросанные по округе там и сям древние зерносушилки, риги, коровники и свинарники походили на останки исчезнувшей цивилизации – теперь, однако, и они преобразались. Где-то налаживались новые скотьи хозяйства, но в основном в стенах этих покинутых былыми племенами сооружений устраивались сельские дансинги – охраняемые дискотеки со специальными загонами для драк. Ну а в одной заброшенной молочной ферме под Гдовом, как мне рассказывали, и вовсе расположился мавзолей дочерней алабамской фирмы по криобальзамированию – добро пожаловать в бессмертие! Воистину история потерпела крах именно потому, что позволила единству жизни распасться на независимые друг от друга обломки, предоставленные узкой компетенции специалистов, тогда как люди с сухим порошком в душе переживают улетучившийся смысл и рухнувшую форму не как освобождение, а как уныние и скуку.

Тут за виадуком показался штыковидный обелиск, и я вслед за «тойотой» повернул направо, в город святой Ольги (сердце ёкнуло) и славного Довмонта. Всё лобовое стекло у моей «десятки» было в жирных кляксах от разбившихся всмятку летучих инсект, а в щётке дворника застряла и трепетала на ветру крыльями мёртвая перламутровка.

3

Офис «Лемминкяйнена» располагался в приземистом и кособоком, как все исконно псковские строения, двухэтажном домишке почти на самом берегу Великой, знаменитой тем, что в её водах отражается не тот, кто в них смотрится. Возведён он был, наверное, веке в семнадцатом и теперь совершенно непонятно зачем. Впоследствии дом не раз перестраивался, и в настоящий момент, помимо закрытого акционерного общества по производству несчастных случаев, занимавшего часть первого этажа, лестницу и три комнаты с коридором во втором, там нашлось место ещё для пары мастерских-студий с одним входом на двоих. В нижней красил холсты пожилой станковист, склонный к пейзажам, две трети которых занимало небо («облакизм» – так назывался этот жанр), и непродолжительным – дней шесть от силы – запоям, а наверху плёл гобелены молодой непьющий выпускник училища барона Штиглица, всегда ходивший в тёмных очках, чтобы никто не догадался, что один глаз он оставляет дома, дабы жена постоянно была под присмотром.

Про мастерские и их обитателей мне в двух словах поведал Капитан, после чего открыл электронным ключом ворота своей конторы и пригласил войти.

В небольшой прихожей, где слева располагалась дверь с табличкой «Приём и оформление заказов», справа в углу – дверь с архаичным писающим мальчиком, а прямо – ведущая на второй этаж лестница, сидел в кресле парень лет двадцати пяти и сапожным молотком загонял в полуметровый сосновый брус гвозди. Кажется, сороковку. Подстрижен парень был под войлок, лишь из-за правого уха торчал длинный волосяной хвостик. Рядом на зелёном узорчатом паласе громоздился такой же брус, со всех сторон густо, как чешуёй, усаженный железными шляпками, – обрубок драконьего хвоста или ископаемой квадратной шуки. Тут же лежал приличный крафтовый фунтик с гвоздями.

Парень поднял голубые глаза на генерального директора.

– В лесу раздавался топор дровосека, – сказал Капитан. – Что-то ты, дружок, халтуришь. Небось и половины не забил?

– Забил, Сергей Анатольевич, зачем обижаете? – засопел парень. – Только Анфиса ругается. Говорит, ей уже как будто в мозги гвоздик тюкают. Льстит себе, конечно, про мозги-то...

– Ну и шёл бы на улицу.

Парень почесал войлочный затылок.

– Во дворе раздавался молоток гвоздобоя... – Он взвалил брус на плечо, нечаянно придавил волосяной хвостик, прошипел сквозь зубы какое-то негритянское ругательство, подслушанное в голливудских полнометражках, и перебросил колобаху под мышку. Меня он словно бы и не заметил.

Капитан толкнул дверь, сулившую приём и оформление заказов.

Я уже в прихожей заметил, что, не в пример внешнему виду домишки, изнутри офис был отделан на уровне современного конторского стандарта – матовые, без глянца, поверхности, скруглённые углы, частые маленькие светильники, словом, непримечательно, но опрятно, – теперь же убедился и в его технической оснащённости. За дверью располагался изогнутый в форме огромного портняжного лекала стол, на котором стояли факс со свисающим до пола непрочитанным посланием, два монитора и прозрачная, подсвеченная изнутри клавиатура, похожая на колонию фосфоресцирующей слизи. Само собой, были тут и блокноты-ежедневники, органайзеры, визиточки...

Перед мониторами с зёрнышками динамиков в ушах сидела деловая, средних лет дама из той породы деловых дам (таких много в коридорах ТВ – один тамошний чинуша украшал моими жуками свои кабинетные фикусы, чтобы поразить гостей и сослуживцев вольнодум-

ством и оригинальностью вкуса, так что я насмотрелся), у которых ноги всегда на десять лет моложе лица, при том что ног её я под извивом столешницы не видел. Левый монитор демонстрировал выловленные в Тенётах индийские порнографические мультики, правый – сводку свежих новостей на сайте «оракул. ру». В наушниках бухало что-то третье.

– Это Анфиса. – Капитан убрал с носа солнцезащитные очки. – Клиентов фильтрует по должности.

Анфиса сидела к нам, если можно так выразиться, полутылом и, увлечённая содроганием оживших барельефов из храмов Кхаджурахо и Конарака, нас не замечала. А благодаря наушникам – и не слышала. Было время, Оля тоже впадала в древность и листала иллюстрированную Камасутру, где, как она думала, всё уже сказано. Но эта штука учит умело повторяться в любви – и только. Оля это быстро поняла.

На южной стене комнаты, куда не падали из окон с колыхающимися вертикальными жалюзи прямые солнечные лучи, висела обрамлённая гроза над полем. В поле стояла одинокая берёза с обвислыми ветвями-косами, а тяжёлые клочья туч, выписанные с таким тщанием, что в их пучине чудилось медленное шевеление, брожение раскатов густого рокота, зловеще подсвечивала гипнотическая молния. Происхождение этого грозового полотна в пояснениях не нуждалось. Картина выглядела едва ли не иллюстрацией к моей давешней фантазии – той самой, про росу на мышинном горошке и грозу над лугом. Всё же человек, склонный к известному русскому недугу и этим недугом *размягчённый* (а облакист, как я понял, был именно из таких), куда тоньше чувствует красоту и величие стихии, нежели засушенный логик. Собственно, логика с точки зрения этого *размягчения* – просто особый род безумия.

Тут Анфиса нас заметила.

Мигом вынув из ушей зёрна динамиков, она энергично вскочила из-за стола и сорвала с факса распушенный свиток. Мельком, насколько позволяли приличия, взглянув на её ноги, я убедился в полной справедливости своих предположений.

– Серёжа... Анатолевич! – с заминкой взяла при постороннем официальный тон Анфиса. – Ну невозможно же работать! Вася весь день стучит. Долбит и долбит, как дятел какой-то! Все уши простучал, ей-богу!

– Вася наказан, – спокойно сообщил Капитан.

– Я знаю. А меня-то вы за что гробите? Я уже третий час в наушниках сижу, а из музыки здесь только какой-то Карл Орф отстойный отыскался.

– Всё, – успокоил Анфису директор. – Я Васю стучать на улицу отправил.

Прислушавшись и убедившись, что за дверью тихо, Анфиса умиротворилась. Она пробежала глазами факс и, как бы нечаянным движением отправив мультпорнуху в net-небытие, отрапортовала:

– Ответ из Петербургского Дома учёных. Они не будут заниматься организацией встречи Псковского клуба юных геологов со своими докторами и членами-корреспондентами. Это, мол, не их функция. Но дают по нашему списку рабочие телефоны, а также рабочее и личные электроадреса светил – дескать, договаривайтесь сами. Вот ещё: «Желаем юным геологам успехов в изучении и освоении недр».

– Что и требовалось. – Капитан взял из рук Анфисы свиток факса и водрузил на нос откуда-то возникшие очки с диоптриями. – А из Москвы что?

– Тишина. – Анфиса вернулась за стол, машинально пригладив, прежде чем сесть, под собой крошечную юбку. – Я, конечно, Сергей Анатолевич, ничего не понимаю, но если бы Дом учёных согласился устроить встречу, где бы вы достали юных псковских геологов?

– Любую встречу можно отменить. – Взгляд Капитана блуждал среди имён спецов по сверхглубоким дыркам. – Я бы объявил карантин. По случаю эпидемии докембрийской свинки.

Всё это время я хранил деликатное молчание, но тут мне на глаза попалась коробка от CD, и я, взяв её в руки, позволил себе вставить в их беседу пару светских слов:

– Кажется, про брата этого Орфа в своё время недурно написал Курицын.

Таким дурацким способом я просто о себе напомнил – куриная фамилия слетела с языка без умысла, почти случайно.

– Анфиса, познакомься, это Евграф. – Тон генерального директора был сугубо уважительный. – Евграф Мальчик, – повторил он так, как при знакомстве с ним невольно сделал это я. – В ближайшем будущем, надеюсь, – глава нашего питерского отделения. Все вместе мы перекуём орала на свистела.

На такое доверие я, право, не рассчитывал. Ещё куда ни шло быть исполнителем в каком-нибудь не очень скучном деле (других Капитан бы и не затеял), склонным к импровизации, но всё-таки функционером. Однако войти в синклит, встать у руля того, что неизвестно как/куда плывёт, о чём, по сути, не имеешь даже представления... Опять же вот – орала на свистела...

Сомнения я решил высказать директору приватно. Ну а пока приветливым наклоном головы ответил на радушный взгляд Анфисы, в котором брезжила отпущенная в качестве задатка, но уже вполне горячая корпоративная любовь к *своим*. В общем-то, Анфиса была по-своему мила и даже, может быть, красива. Другое дело – свежесть... Но не поставишь же работать «фильтром» пубертатную дианку, неспособную осадить на скаку зарвавшееся чмо и войти в горящую мужскую баню.

– Мы наверх, – сказал Капитан Анфисе и, кивнув на уже вполне невинный левый монитор, приветливо добавил: – Между прочим, веды запрещают православным смотреть этих ибливых хомячков в служебное время.

4

На втором этаже мы сначала зашли в небольшую комнату, где помещались два мощных компа и разная сопутствующая электронная дребедень. Рассуждая логически, здесь можно было бы увидеть гобелен, однако стены, помимо одной, занятой стеллажом со всякой всячиной (журналы, электрочайник, картонные коробки, шнуры, книги etc), были пусты, что, возможно, диктовалось требованиями профилактической борьбы с пылью. На окне, раздуваемые ветром, висели всё те же вертикальные жалюзи.

Одно из двух рабочих мест пустовало. Другое занимал загорелый белобрысый паренёк в очках и с юношеской бородкой: сразу видно – активист радикального студенческого движения за право учащихся посещать преподавательский буфет или компьютерный гений. Что ж, юность всегда мнит себя венцом умственного совершенства, она всегда на вершине посвящения в тайны прекрасного – только потом до неё доходит, что по градусу идиотизма она ничуть не уступает зрелости. Но когда она это понимает, она уже не юность.

Паренёк сидел перед экраном с сигаретой в одной руке и чашкой капучино в другой.

– Это Артём, – представил паренька Капитан. – Васин напарник. А это... – Он, в свою очередь, представил Артёму меня, после чего добавил: – Наш гость и будущий соратник.

Артём посмотрел мне в глаза испытующе, но дружелюбно, после чего, обращаясь сразу к директору и гостю, кивнул на свою укутанную пеной кружку:

– Ваксы такой хотите? У меня есть пара дринк-пакетов.

Директор и гость не хотели.

Далее, пройдя по коридору, мы угодили в небольшой отстойник, где сидела секретарь-девица с гладко зачёсанными за уши рыжими волосами и круглыми очками на крапленном бледными веснушками носу. Глаза у неё были такие зелёные, что невольно вспоминалось слово «фотосинтез». Благодаря деловому костюму вид девица имела какой-то педантично-островной; ко всему она немного пахла можжевельником и в миг нашего появления как раз бойко лопотала по-английски в телефонную трубку. Судя по словарю – что-то личное. Круглая английская речь была ей покорна, и она густо мазала ею пространство, как бутерброд зернистой икрой.

Над секретарским столом висел гобелен. Нечто беспредметное в сине-зелёно-палевых тонах, языками струящееся вверх. Известное дело – чем непрерывнее и радикальнее трезвость человеческого ума, тем более изощрённые/извращённые формы принимает его мировидение.

Жестом показав секретарь-девице, что, мол, всё в порядке, мечи свой инглиш дальше, Капитан, увлекая за собой меня, прошёл в директорский кабинет.

Здесьнее убранство разительно отличалось от унифицированного интерьера прочих помещений. Никакого пластика, никакой подчёркнутой деловой стерильности. Стол здесь стоял дубовый, двухтумбовый, под тёмно-зелёным сукном, на котором красовались яшмовая доска с бронзовым чернильным прибором и яшмовое пресс-папье. Рядом возвышался дубовый же (или смастаченный под дуб) книжный шкаф; стулья были с резными спинками; по стенам висели охотничьи трофеи в виде кабаньего рыла, чучела глухаря на лакированном суку и лосиной морды с разлапистыми рогами; на окна ниспадали полузадёрнутые тяжёлые шторы; вокруг бронзовой люстры вилась замысловатая лепная розетка. Словом, кабинет выглядел скорее домашним, чем служебным, и располагал больше к вдумчивой организации личного досуга, нежели к ревностным трудам на благо какого-нибудь *общего дела*. Можно было предположить, что личное от служебного директор «Лемминкяйнена» не очень-то и отделяет. То есть как-то, наверно, отделяет, но не в основном, не в главном.

В углу на декоративной подставке в виде колонны, увенчанной коринфской капителью, стоял террариум с певчими туркменскими лягушками. Раздув трепещущие пузыри, они просвиристели нам своё приветственное «ква». Как показалось мне – без вдохновения. Несколько лягушек, упёршись четырёхпалыми лапками в стекло, бесстыдно предъявляли посторонним нежные животики. Мне почему-то пришли на память строки из «Хагакурэ»: «Когда-то давно в нашей провинции не росли грибы мацутаке. Люди, видевшие их в провинции Камигата, стали молиться о том, чтобы они росли в наших краях, и вот теперь их можно встретить по всей провинции Катаяма».

Дав мне возможность осмотреть голосистую свору и высказать своё сочувственное «да-а!», Капитан гостеприимно указал на стул и доверительно признался:

– Думаю заняться выведением породы певчих рыбок.

После чего, как предстоящему соратнику, поведал всё, что посчитал необходимым.

5

Фирма «Лемминкяйнен» появилась в 1997 году. Со дня основания её бессменным руководителем оставался Капитан, в то время как остальной состав не раз уже менялся подчистую. Ассортимент услуг, оказываемых фирмой, вначале был совсем не тот, что нынче. Другое было время, другие интересы, не нажит был ещё моральный капитал, авторитет и деловая репутация. Отсюда – плёвый заказчик, узость профиля, мизерные дела. И несерьёзное, игривое, как к безобидным и потешным идиотам, отношение к фирме со стороны местных предпринимателей, что, впрочем, стоило только приветствовать, поскольку подобный взгляд надолго обеспечил и до сих пор отчасти обеспечивал отсутствие реальной конкуренции.

Начинали, как уже было сказано, с ерунды и мелкотравчатого вздора. Здесь Капитан к месту вспомнил Ибн Хазма: «Воистину ничтожен тот, кто пренебрегает малым – ведь в начале огня бывают искры и от малой косточки возносятся деревья». Короче говоря, как выразился вслед за этим излюбленным присловием господин генеральный директор, невольно/вольно намекая на тайну своего происхождения: «Курица по зёрнышку клюёт». Механизм деятельности выглядел примерно так: клиент делал заказ, следом собиралась необходимая информация, фирма разрабатывала сценарий розыгрыша или кары, затем, получив задаток, своими силами или с привлечением внештатных сотрудников «Лемминкяйнен» осуществлял дерзкую операцию, после чего следовал окончательный расчёт.

Одним из первых дел, принёсших фирме локальную известность, было дело доцента имярек из Псковского политеха – акция возмездия под кодовым названием «Плащ Геракла». («Об этом даже неприятно вспоминать», – стыдливо оговорился Капитан.) Доцент в повседневности был стоеросовым дураком и похотливым павианом, пускавшим слюни от каждой встречной девки, независимо от количества доставшихся ей от природы и «Орифлейм» феромонов. Ко всему он был неопрятен и страдал хроническим насморком. Словом, никакого артистизма, сплошная физиология. Банальная история – для достижения своих приапиических целей доцент преступно, но весьма эффективно использовал служебное положение. Студентки, изнурённые его сексуальными домогательствами, в конце концов сбросились в складчину и заказали павиана «Лемминкяйнenu».

Собрав достаточную информацию (в частности, при анализе многочисленных свидетельств потерпевших выяснилось, что доцент – то ли из научного педантизма, требующего строго соблюдать условия некоего эксперимента, то ли из подростковых венерических фобий, то ли просто из чистоплюйства – неизменно предохраняется смазными резинками, пачку которых всегда имеет при себе), фирма приступила к действию. На муляжах был проведён ряд научно-практических опытов, после чего однажды доценту подменили в сумке пачку контрацептивов. Подменные кондомы внешне ничем не отличались от хозяйских и были гигиенично запаканы в вакуумные упаковки, вот только вместо ароматизированной смазки на них был нанесён молекулярный клей, благо павиан вечно ходил с насморком. Студентка из числа заказчиц, принужденная в тот день к уединению с доцентом в физической лаборатории, стала свидетелем жестокой экзекуции, и всю последующую неделю в кругу наперсниц не смолкал её мстительный смех.

– Надеюсь, он не долго мучился, – потупил взор Капитан.

В ту пору сценарии розыгрышей и кар для фирмы сочиняли люди весёлые: знакомый с законами драмы Сергей Носов, художник жизни и гений процесса Андрей Хлобыстин, идеолог неотупизма Сергей Спирихин. Плюс кое-кто из числа людей не столь известных. Грешил и сам Капитан. В общем, эти остроумцы могли придумать что угодно, вплоть до действующей модели ада.

Как-то раз в «Лемминкяйнен» заявили бандусы: турецкие кожанки, бритые затылки, утюги за пазухой. Конкретные ухорезы. Но обошлось. «Ты чё, шланг, не знаешь, что пьяный скобарь хуже танка?» – с подавляющим психику хамством спросил один из них. «Нет, господа, пьяный скобарь лучше танка», – ответил Капитан. Эта логическая западня ввела гостей в замешательство и сбила кураж. В конце концов, узнав, на что направлена коммерческая деятельность фирмы, бандосы наезжать не стали, наоборот – забавы ради решили оценить услуги. Что касается кары, то здесь они сами считали себя мастаками, а вот насчёт розыгрышей... Тут бандосы оторвались.

Сценарии для них готовились с учётом свойственного данной целевой группе специфического чувства юмора, а также господствующего здесь представления о смеховой культуре в целом. В результате «Лемминкяйнен» разработал особый стиль *пацанской шутки*: очень смешно, например, ночью тайком приварить металлическую дверь товарища к косяку, художественно разукрасить гуашью его новый «ауди» под ситец «в цветочек», подложить муляж покойника в багажник, ну и так далее. На подобные потехи душегубы не скупились. Мода эта, правда, продержалась недолго, но фирма тем не менее обеспечила себе покровительство местного криминала, что было делом не лишним.

– Вам не кажется, что провинциальная косность сужает пределы ваших возможностей? – спросил я искренне и тут же sluкавил: – Отчего бы сразу не открыть дело в Питере? Или, на худой конец, в Москве?

– Для реализации наших планов, таких как возведение в Стокгольме динамического памятника Альфреду Нобелю, столица и провинция, как топографические переменные, ничего не значат. Столица – здесь. – Капитан дважды тюкнул себя пальцем в лоб. – Не раз уже доказано – фронт там, где танки Гудериана.

– Есть ведь уже памятник Нобелю на Петроградской набережной.

– Такого, какой придумал я, нет нигде – пьедестал, на котором каждые три минуты происходят оглушительные микровзрывы.

Тут в кабинет директора шагнула секретарь-девица с чёрно-красным жостовским подносом в руках. На подносе стояли два стакана с крепким чаем в ажурных серебряных подстаканниках, сахарница, блюдец с тонко посечённым лимоном и тарелка мокрых, блестящих вишен.

– Сергей Анатольевич, киргизы деньги перевели, – сообщила девица, переставляя на стол стаканы.

– Отлично, Сонечка! Распорядись о премии.

– И Васе тоже?

– Тоже. Вася искупил. – Капитан на секунду прислушался к ударам молотка на улице и уточнил: – Уже почти.

– Вы, Сергей Анатольевич, одной рукой жалеете, другой – настёгиваете.

– Со времени изобретения кнута и пряника, – назидательно изрёк директор «Лемминкяйнена», – ничего более действенного человечеством не придумано. Любого Дурова спроси. Только тумаком и лаской... Тумаком и лаской...

Затем он меня и Сонечку в общих чертах взаимопредставил. А когда она ушла, унеся с собой свой можжевеловый аромат (вслед Соне полетела пущенная начальником вишнёвая косточка, но угодила прямоком в лягушачью оперу, произведя там небольшой переполох), Капитан рассказ продолжил.

Не стоит приводить исчерпывающий перечень произведённых фирмой скандалов, подвигов, мистификаций и бесчинств, иначе могут пошатнуться главенствующие представления об основной пружине исторического механизма нынешних времён, что вовсе ни к чему, поскольку чревато массовыми психическими травмами. К тому же Капитан наверняка рассказал не всё, так – выдержки, фрагменты. Главное – от мелких дел, частично всё-

таки оставшихся в рутинной практике «Лемминкяйнена», фирма вознеслась в такие огненные эмпиреи, что вполне могла бы возомнить о себе чёрт-те что – к примеру, вообразить себя неким демоническим размером божеством, вроде рокового Лиха Одноглазого. Но фирма несла груз своего величия достойно. Так, во время выборов доверенные лица кандидатов с разными фруктами и тотемными животными на партийных гербах нередко предлагали «Лемминкяйнену» работу в плане организации любых цветов пиара, но директор, упуская шальные деньги, неизменно отвечал отказом.

Про огненные эмпиреи – это не шутка. Десятилетней давности атака на Пентагон и нью-йоркские высоты, как теперь нетрудно догадаться, в части идейного обеспечения явилась результатом деятельности «Лемминкяйнена». Причём со стороны фирмы работа оказалась не очень затратной. Просто нужную мысль вложили в нужную голову, как патрон в патронник, и уж коль скоро незаряженные ружья порой стреляют, то заряженное выстрелит непременно. Если без нюансов (Капитан в них, собственно, и не вдавался), общим планом, то дело было так. С палестинскими, сирийскими и прочими арабскими студентами в Москве и СПб велись приятельские, ни к чему не обязывающие разговоры о малой эффективности пояса шахида как оружия возмездия – то ли дело бравые японские камикадзе... Где взять шахидам боевые самолёты? Не нужно боевые. В небе Америки кишат «боинги», надо только сменить пилотов и вывести самолёты на цель. Одновременно простая эта мысль была пущена гулять по арабским кафешкам Парижа, Лондона и Берлина – у «Лемминкяйнена» в руках, оказывается, был пучок зарубежных связей в авангардной арт-среде (sic!). Так дошло и до бен Ладена или кого там... И что же? Не прошло и года, как на Америку посыпались самолёты. Такое атмосферное явление. Воистину идеи правят миром.

– Я думал, правда, что они ударят в Пентагон, по Голливуду и каким-нибудь авианосцам, – сказал Капитан. – Но и с высотками недурно получилось. – Он метнул в рот глянцевою вишню и вызывая улыбку. – Подозреваю – вы сторонник гуманных идей. А я вот люблю вещи простые и жёсткие. Когда делаешь что-то своё, по-настоящему своё, надо перестать думать о других – гуманитарная и социальная стороны дела должны исчезнуть из твоей жизни, как навоз из хлева.

– В те времена высказывалось мнение, – напомнил я, – что арабы не могли такого сделать. Поскольку даже египтяне, самые из них продвинутые, прикажи им кто-нибудь, кто вправе им приказывать, врезаться на «МиГе» в пирамиду Хеопса, промахнулись бы в ста случаях из ста.

– А вы, оказывается, расист. – Капитан вновь расплылся в коварной улыбке. – На самом деле тот утёнок, который это сочинил, наверняка работал на бен Ладена. Но Буш посоветовался с Блэром, который, как истый подданный её величества, ещё помнил, что афганцы – единственные в мире войны, способные прицельно стрелять с коня на полном скаку, и фишки встали на место.

Одно из двух: он либо увлёкся эпатажем, то есть просто врал для красного словца, либо уже впрямь, как трансцендентный человечище, как настоящий *запредельщик*, отделившийся от пустяковых предрассудков и ограничений, находился по ту сторону добра и зла. Последнее, скорей всего, вернее. И вправду, чего бы только не добился человек, если б постоянно не стремился во всём подражать другим. Вот и Капитан... Перестал ступать след в след и мигом в такие выси воспарил, что нам, убогим, и не видно. Ведь что ни говори, а вершителя судеб в нём положительно никто не замечает. Его вообще как будто нет, он на грани реальности, словно полёт золотой росы. Не так ли исчезают просветлённые даосы, чтобы потом, явившись вновь, под новою личиной, неприхотливо, в тени какой-нибудь бамбуковой дубравы вертеть на пальце Поднебесную?

– Скромно живёте, но великие дела делаете, – заметил я осторожно. – И кого карали набитые риелторами, дивелоперами, мерчендайзерами и букмекерами «боинги»?

– Мир чистогана – буржуазный либерализм. Потому что он уже провонял и изъеден червями. Он похож на змею, пережившую свой яд. Он давно оставил позади свой героический период и теперь погрузился в упоительный комфорт, отказавшись от прививки опасности, от глотка радикально иного бытия.

Честно говоря, я тоже был немного зол на американцев. Зачем они в «Космическом десанте», «Людах в чёрном», «Чужих» и прочем голливудском гуталине катком прошлись по насекомым? Какая-то зоологическая ненависть. А сами что бы в этом деле понимали... Мало того что со своим внешним скелетом инсектам не вымахать до порядочных размеров, так если б и вымахали – что такого? Они ведь не *страшные*, а *красивые*. Пусть и наделены не человеческой красотой. Вглядитесь: они взяли себе все краски творения, они танцуют в воздухе и освещают ночь, они поют хором и шевелят усами, они меняют тела и чередуют стихии, они делают ж-ж-ж и делают вз-з-зынь, они выживают под танком и гибнут от вздоха, они сидят на шестке и пишут на деревьях прописи, они... Да что там – они не чета какому-нибудь Шварценеггеру. Того встретишь в тёмном переулке – пожалеешь, что вышел гулять без валидола. Конечно, они нам не товарищи. Конечно, находятся и среди них иуды, но всё же... Есть такое понятие у художника Филонова – сделанная вещь. Так вот насекомые, как и змеи, – это сделанные вещи, потому что они прекрасны во всех подробностях, а человек – нет. Его детали, все эти поры, волоски и родинки, ужасны, человек проваливается в частностях, поэтому рассматривать его противно, что бы ни говорилось – прости, Господи – о его богоподобии. Оттого, наверно, мы всё время и уповаем на какую-то добавочную *внутреннюю красоту*.

– В результате, – продолжал Капитан, – мы видим прискорбное измельчание духовного рельефа – исчезли чистые состояния души, вроде подлинной радости, истинного гнева, одержимой ярости. Вместо этого всё залито какой-то окрошкой, мешаниной, суррогатом чувственности, который уже плохо поддаётся делению на фракции.

Надо отдать должное – речь Капитана была вдохновенна. Из его дальнейших рассуждений я запомнил следующее: остальной мир, *другой мир*, в котором жив ещё дух опасности, по отношению к описанной выше размазне выступает как «неправильные пчёлы» по отношению к Винни-Пуху – вместо того чтобы усладить мёдом, он по самое здрате (так Капитан и сказал) вонзает бестрепетное жало ему в сопатку. Опробовав тактику легализации правонарушений на гелях, либералы собрались уже узаконить преступность как таковую, но тут, как назло, терроризм небывалых масштабов переходит на территорию оплота самого либерализма с его гуманистическими бреднями. И тогда, как чистое состояние души, появляется страх. Теперь уже сложно объяснить *цивилизованному человечеству*, что если вор хочет красть – пусть крадёт, а если бомбист хочет взрывать – пусть взрывает, ибо и тот и другой имеют право на свободную организацию досуга согласно своим природным склонностям.

– Что вы имеете в виду? – Это место показалось мне довольно тёмным.

– Простите?

– Ну вот вы говорили про легализацию природных склонностей.

– Видите ли, пока на сцене идёт успешная борьба за утверждение прав всякого бабья, национальных и других меньшинств, inferнальных конфессий и отматавших срок злодеев, за кулисами разыгрывается куда более значительное действо. Идёт серьёзная работа по размыванию границ уже, простите, между существом и личностью. Диснейленды, компьютерные игры, Голливуд совместно и поодиночке успешно решают задачу по одомашниванию всего дикого. Добрые грызуны, монстрики, динозаврики охотно ведут с нами душевные беседы, предлагая обсудить свои животрепещущие проблемы. Так исподволь готовятся условия к беспечному общению с *радикально другим*.

– Но это же сказки. Что тут плохого?

Мои возражения Капитана ничуть не смутили. Напротив, он как будто ждал их. Во всяком случае, он с готовностью пустился в рассуждения о том, что сейчас для западного общества ничего радикально другого в иных культурах уже не осталось: мумии жрецов лежат в музеях, утыканные перьями индейцы стоят привратниками у дверей мотелей, шаманы камлают в концертных залах, а потомственные колдуны обещают вам в рекламе вернуть любимых по запаху или по отпечатку пальца излечить от грыжи. И очень жаль, до слёз жаль, что перевелись на свете динозаврики – такие были обаяшки, не то что современные фаллоцентристы, мясоеды и другие сербы. Да что там говорить – уже есть признаки взаимопонимания с вампирами. Кинопродукты нам наглядно объясняют, что вампиры ни в чём не виноваты, им просто хочется горячей кровушки, они так устроены, и наверняка проблему, отбросив эти ужасные осиновые колья, можно решить любовно, ко всеобщему удовольствию.

– Вампиров одомашнили, а что ж они так насекомых опускают? – забывшись, вслух обратился я к собственным мыслям.

– Что?

– Нет, ничего... Но ведь язычники шли дальше – они персонифицировали стихии, реки, горы и вообще все ёлки-палки.

– Но при этом они бестрепетно убивали своих лернейских гидр, горгон и минотавров. Даже считали это дело вполне героическим. А смысл современного гуманизма состоит именно в том, чтобы пожалеть заточённого Минотавра, накормить его и вывести из лабиринта. Что говорить – на свободе Минотавр, конечно, прокормится сам.

– Станный способ борьбы за чистоту гуманистической идеи. – Я имел в виду падение нью-йоркских башен-близнецов, и Капитан меня понял.

Он согласился, но попросил не забывать о результате. О настоящем результате. Напуганные янки, взгрев всех подвернувшихся под руку плохих парней, одновременно перешли к мерам повышенной предосторожности. Страна погрузилась в атмосферу подозрительности и опережающего опасность страха. Что это значит? Это значит, что цель достигнута – враг деморализован и поставлен на колени. Отказ от обыденного уровня свободы, повседневного комфорта и, если угодно, привычной беспечности в каком-то смысле соответствует требованию о безоговорочной капитуляции.

В этом месте Капитан замолчал и задумчивым взглядом посмотрел на притихших лягушек.

– К тому же, – сказал он, – у меня и в мыслях не было защищать гуманистическую идею. Она не принимает и не понимает элементарных вещей, в частности – диалектический характер морали: без зла нет и не может быть никакого добра. Зачем же защищать такую дуру? Чем больше в обществе зла, тем более оно уравнивается высочайшими проявлениями добра. А гуманизм в своём стремлении искоренить зло непременно разрушает добро и таким образом разрушает мораль. – Капитан пощипал бородку, а я отметил про себя, что похожая мысль и самому мне пришла в голову сегодня по дороге в Псков. – Если без истерик – из всех существующих идеологий ответственнее других эту диалектику осознают фашисты. Они открыто говорят, что сделать нечто лучшее можно только за счёт того, что кому-то станет хуже. То есть зло и добро бессмысленно искоренять, есть смысл их просто перераспределить.

– Хочу напомнить замечание Делёза о том, что раб и господин местами не меняются. – Новейшую философию у нас на журфаке одно время читал Секацкий. – В этом случае не существует никакой диалектики, поскольку есть более фундаментальная вещь – иерархия, аристократизм если не крови, то судьбы. Но почему возникла оговорка об «истерике» у человека, расставшегося с предрассудками? Что за церемонии?

– Потому что тевтонцы испортили песню. Ещё Бердяев заметил, что они, конечно, люди интересные, но немного больные – у немцев за их добропорядочностью, любовью к

дисциплине и стерильной организации жизни скрывается первобытный страх перед хаосом. Неспроста многие гениальные немцы съезжали с петель. Как бы странно ни выглядело моё заявление, но они – просто недостаточно цивилизованный народ, поэтому фашизм быстро перешёл у них от мировоззрения к какому-то чудовищному и кровавому безумию. А что до церемоний, – по-русски не вынимая ложку из стакана, генеральный директор глотнул чай, – то этого не люблю. Тактичность и политкорректность – главнейшие источники лжи. Первая неодолимая неправда рождается от боязни обидеть другого. Бог не церемонится с человеком и уже хотя бы этим не умножает неправду, а мы церемонимся друг с другом и всё время врём.

Выходит, курёхинская позитивная шизофрения – это прививка от всеобщего национального безумия, от страха перед хаосом, как прививка опасности – средство от гуманистического маразма. Поддерживать с трансцендентным человеком эту интересную, но скользкую тему я всё же не стал, а повернул назад, к истокам:

– Получается классическая схема: заказчик – посредник – исполнитель. Крайним вышел Усама бен Ладен. Посредник – «Лемминкяйнен». А кто заказчик?

– Вам это интересно?

– Очень. – Мне в самом деле было любопытно.

– Один питерский оптовик. Он с американскими дольщиками куриные окорочка не поделил. Короче, кинули его партнёры.

Чего-то в этом роде и следовало ожидать.

– А сейчас над чем работаете, если не секрет?

– Для вас – не секрет. Один киргизский бай надулся на Олимпийский комитет. Кому-то не тому они подсуживали. Так мы решили развести их по-взрослому – включить в число олимпийских видов спорта скоростное свежевание барана. Как на Курбан-байраме.

Всё было, в общем-то, в порядке: в голове Капитана памятник Нобелю производил оглушительные микровзрывы, в террариуме лениво голосили певчие лягушки, во дворе раздавался молоток гвоздобоя. По аранжировке и сценографии с их варварским эстетизмом – вполне в духе «Поп-механики».

– А Вася зачем стучит? – задал я вопрос, который давно напрашивался.

– Вообще-то, он нормальный парень, но внутри него сидит дурак и иногда высывается. – Капитан ласково погладил яшмовое пресс-папье. – Он ночью в офис девок привёл, а они в дисковод печенье засунули. Ну зачем, спрашивается? Теперь дисковод менять надо. – Генеральный директор насупил брови. – В наказание Вася должен освоить четыре килограмма гвоздей.

– В чем же тут наказание?

– Для этих засранцев самая тяжкая кара – бессмысленный труд.

– А если он схитрит и гвозди выбросит?

– Не выбросит – я потом колобахи сожгу, а гвозди взвешу. – Ложечкой Капитан извлёк со дна стакана ломтик лимона и целиком отправил в рот.

6

Как оказалось, паролем для меня в этой истории неожиданно послужил Фламель – такой в здешней пещере был, что ли, «сезам, откройся». Но об этом после. А теперь – краткая хроника дня.

Итак, я был зачислен в «Лемминкяйнен» и введён в курс кое-каких прошедших и грядущих дел.

Потом с Капитаном, белообрисым Артёмом и гвоздобоем Василием я купался в Великой, видя в ней что угодно, но только не собственное отражение. Артём был загорелый, будто его, как пасхальное яйцо, варили в луковой шелухе, а Василий оказался без меры расписан татуировками, так что тело его напоминало осквернённый памятник.

Потом мы пили водку, бросая в стаканы ледяные кубики арбуза, и смотрели, как ворона на отмели расклёвывает ракушку. Капитан, правда, ворочая в костре утыканные шляпками обрубки бруса, пил мало и больше довольствовался арбузом. При этом, следуя методологии Козьмы Пруtkова, он рассуждал о том, что жизнь человеческую можно уподобить магнитофонной ленте, на которую записана песня его судьбы. Жизнь же горького пьяницы – это порванная и вновь склеенная лента, так что в песне то и дело возникают пропуски (беспмятство), как правило приходящиеся на припев.

Потом я позвонил Оле и дал ей повод для пустяковой ревности, сообщив, что нелёгкая занесла меня в Псков, чтобы перековать орала на свистела, и тут я заночую. «Не увлекайся псковитянками», – сказала лютка. «Даже если увлекусь, – поддал я хмельного жару, – потом всё равно изменю им с тобой».

После я лежал на диване в квартире Артёма и обдумывал всё, что сегодня услышал, а за окном висела круглая луна, изъеденная метафорами уже задолго до Рождества Христова. Постепенно мысль моя уклонилась в сторону, так что я ни с того ни с сего вдруг с дивной ясностью постиг: теперешнее человечество живёт в обстоятельствах абсолютной катастрофы, но в массе своей прилагает усилия не к тому, чтобы это осознать и попытаться ситуацию исправить, а к тому, чтобы улизнуть от реальности, поскольку она воистину ужасна, бедственна, жутка... Похоже, человечество вот-вот столкнётся с чем-то, что противно самой его природе, но что какой-то злою силой ему вменяется в обязанность встретить приветливо и попытаться с этим *договориться*. Нам предлагают выкурить трубку мира с дьяволом. Но чтобы выстоять и спастись, мало найти себя в какой-нибудь великой традиции, как следовало бы русскому человеку, сколь бы он ни был многогрешен, находить себя в православии, надо ещё вступить на путь личного героизма. То есть, оставаясь в лоне великой традиции, надо быть героем, рисковать всем, что у тебя есть, даже жизнью, потому что без риска и самоотверженности нет ничего – ни духовного движения, ни вообще *пути*. Для всякого познания необходимы мужество и смирение – эта истина должна стать для человека осмысленным выбором, так как без личной истории – а большинство людей живёт без личной истории, как пыль, как птичка, как рыбка в пруду, – нет спасения и нет пути. Именно героизма сейчас так не хватает и нашему времени, и нашей великой традиции...

Мысль эту, впрочем, я до конца не додумал, потому что в темноте надо мной звенел убийственный комар (у Артёма был только один фумигатор, и он мне не достался) – то приближаясь, то удаляясь, то замолкая, то вновь теребя струну своего изводящего писка. Казалось, этот мерзавец, этот иуда среди инсект, хитрит, коварно играет со мной, берёт на измор... Что, и с ним *договариваться*? Постепенно комар, как некое безусловное зло, принимал в моём воображении черты изощрённой индивидуальности, и это было невыносимо – встречи с безликим злом стоят человеку куда меньших нервов.

Глава третья ООО «Танатос»

1

Я никогда не спрашивал Капитана, как удалось ему умереть, не умерев, и что покоится в его гробу на кладбище в Комарово? Во-первых, всё, что он замышлял, до того, как он это *действительно вытворит*, казалось невозможным, а во-вторых – моё-то какое дело?

Более того, я вообще никогда не говорил с ним об истории его преображения и ни разу вслух, даже за глаза, не назвал Капитана его настоящей фамилией. Сначала меня так и подмывало это сделать, чтобы увидеть, что получится, и попутно засвидетельствовать своё причастие к тайне, так что сдерживаться стоило труда. Потом общение с живым человеком (не ходячей легендой, не восставшим из пекла духом, а именно *живым человеком*) стало затмевать даже самые невероятные предположения на его счёт. А потом я привык к нему настолько, что он сделался для меня просто тем, кто есть – хотя бы и Абарбарчуком, – поскольку был интересен сам по себе, без мифологии и таинственных предысторий. То есть в жизни, как человек, он оказался занимательнее персонажа из расхожего предания. В связи с этим невольно приходилось задумываться: нет ли ошибки в том, что я принял пусть и поразительное, но всё же только внешнее сходство за свидетельство полного тождества?

Впрочем, как я уже сказал, теперь это меня не очень занимало. В конце концов, надо уметь по достоинству ценить настоящее, ведь у него нешуточная миссия – предоставлять нам материал для будущих воспоминаний.

Помещение для филиала сняли на улице Чехова, в доме, построенном в выпретенном стиле русского барокко. Дом был с симметричными причудами – балкончиками, выступами и фигурами восьми аллегорических дев на фасаде, завёрнутых в какие-то античные хламиды. Каменные барышни предьявляли прохожим различные штучки: невесть какие ботанические стебельки, рог изобилия, сплетённый из цветов венок, лиру, не то дионисийский тирс, не то кадуцей и что-то ещё не вполне определённое. Какие именно отвлечённые понятия эти девы олицетворяли, поначалу мне было решительно неясно, а поднимать специальную литературу – как обычно лень. На ум пришло даже, что одна из них изображает смерть. Ведь по античному суждению смерти не обязательно держать в руках косу, довольно порванной пряжи или того же Гермесова кадуцея, поскольку сам олимпиец – не только плут и глашатай богов, но и проводник душ умерших в Аид, а жезл его насылает на смертных как сон (последний), так и пробуждение. (Кстати, кадуцей Капитану тоже пришёлся по вкусу, но как аллюзия на Триждывеличайшего.) Однако позже выяснилось, что некогда здесь был банальнейший публичный дом, а девы, стало быть, – не более чем аллегии земных утех, увеселений и блаженств. Но мысль об осеняющей эти пенаты смерти в мозгу засела.

Моим первым вкладом в деятельность «Лемминкяйнена» стало изобретение названия для петербургского отделения, поскольку ради пущего ералаша – чтобы окончательно всё затемнить и запутать – именоваться филиал должен был иначе, нежели головное псковское предприятие. Так на свет явилось общество с ограниченной ответственностью «Танатос», которое Оля, со свойственной её натуре резвостью, тут же переименовала в ООО «Карачун». Что ж, женская власть над мужчинами держится на том, что женщину желают. Ради того чтобы быть желанной, женщина не постоит за ценой, ничего не пожалеет и через многое переступит. Ради этого она готова симитировать не только пламенный оргазм, но и блистательное остроумие. Стрекозы-лютки это не касается – она другая. Да и вообще надо при-

знать, что большинство обобщений включают в себя предмет, о котором речь, примерно так же, как день недели включает в себя живущего в этом дне человека. Или кошку, которая о днях недели вовсе не осведомлена.

Помимо меня, как главы филиала, в штат «Танатоса» вошли бухгалтер, секретарь, очередной компьютерный титан, у которого кадык рвал на горле кожу, и четыре вахтёра/сторожа, оберегавшие гробовую тишь конторы посменно сутки через трое. Кроме того, на полставки в «Танатос» оформили Олю и полиглота-переводчика с четырьмя языками в глотке. Зачем нужны Оля и переводчик, было не совсем ясно, но Капитан объяснил, что это – стратегический резерв и он довольно скоро будет пущен в дело. Сомневаться в его правоте у меня не было оснований, тем более что финансирование полностью шло через «Лемминкяйнена», который, может, и прикидывался «безбашенным трикстером», но уж никак не скупердяем. Вероятно, Капитану каким-то образом удалось-таки заработать довольно денег, чтобы бескорыстно жить внутри культуры, – ведь всё, что предполагалось сотворить, как ни крути, было чистой воды «поэзией поступка».

2

За хлопотами незаметно наступил нешуточный октябрь. Осень упала на город спелой антоновкой, погода раскляксилась, с небес всё чаще поплёскивал серый дождик, а клёны в Михайловском саду отважно предались самосожжению. По утрам уже ударили лёгкие заморозки, так что у каркающей за окном вороны из клюва шёл пар. В мою парадную на Графском переулке намело ворох жёлтых листьев, и ночи стали так глубоки, что мы с Олей порой сомневались: а не утонем? выплывем?

Когда офис «Танатоса» был наконец отремонтирован и заселён, с визитом из Пскова прибыли директор головного предприятия и гвоздобой Василий с волосатым хвостиком за ухом. Я представил сотрудников, Капитан сказал оптимистичную, но не совсем прозрачную по смыслу речь («Мы стоим на передней кромке бытия, поскольку то, что мы собираемся делать, – проект будущего, и по достоинству ему отдадут должное только лет через семьсот...»), после чего все выпили по бокалу шампанского и приступили к службе.

Василий – мастак в тёмном деле электронного разбоя – отправился инструктировать программиста «Танатоса», в чьём горле уже упомянутый выше кадык гнезвился, как отдельный живой организм, как потревоженная куколка, как рвущийся вовне зародыш. Впрочем, эта неприятная, но вполне половозрелая деталь была ему, если можно так выразиться, даже к лицу, потому что, несмотря на подчёркнуто суверенные ухватки, в остальном парень имел настолько детские, мягкие черты, что его то и дело хотелось угостить мороженым. Мы с Капитаном направились в мой кабинет. Оля и переводчик ввиду временной не востребоваемости отсутствовали.

Надо ли говорить, что стены директорского кабинета ООО «Танатос» были украшены жестоккрылыми, среди которых почётное место занимал китайский ветвисторог, приобретённый по случаю у курносого служки заезжего инсектария?

Я попросил секретаршу Капу (мою давнюю знакомую – когда-то у нас случилось с ней небольшое эротическое приключение, сделавшее нас добрыми товарищами), тридцатилетнюю девицу, падкую до кошек и прочих мягких игрушек, сварить нам кофе, после чего мы с гостем разместились в легких креслах у совещательного стола.

– Евграф, не сочти за снобизм, но знаешь ли ты, – мы ещё в августе на берегу Великой как-то незаметно под арбуз и водку перешли с Капитаном на «ты», – что в человеке обитают две души – мокрая и сухая? Коптские адепты герметизма прямо в собственном теле, как в тигле, сплавляли их в чудесный магистерий, тем самым обеспечивая себе жизнь вечную во плоти.

– Примерно тот же результат давали и даосские практики. – Я сделал серьёзное лицо. – Кроме того, обретая бессмертие, даосские праведники завещали нерадивым ученикам собственную тень, так что лжемудрецов в Китае от воистину просветлённых отличали по раздвоенной тени. – Невозмутимо закулив сигарету, я взял высокую ноту молчания.

Капитан казался удовлетворённым.

– Значит, твой интерес к метафизике мне не помстился. Так же, как и способность к фантазиям на эту фундаментальную тему.

Признаться, я чувствую себя неловко, когда речь обо мне заходит в моём присутствии. И вовсе не из скромности, поскольку совершенно неважно, приятные или не очень говорятся слова, а потому что – кто может знать о тебе что-то такое, что самому тебе было бы невдомёк? Тем более если ты умеешь себя не только оправдывать, но пробовал уже по высшей мере осуждать. То есть неловко делается за того, кто говорит. Поэтому я быстро сменил тему:

– Итак, с чего начнём? Будем учиться у коптских адептов плавить в горсти серебро или по заказу французских колонистов поднимем на Таити надой кокосового молока?

Оказалось, ни то и ни другое. Капитан сказал, что вначале предполагал организовать строительство дамбы от Уэст-Палм-Бич в сторону Большой Багамы. Таким образом можно запрудить западную ветвь Гольфстрима и заморозить всё Восточное побережье Союза Американских Штатов. Точнее, не запрудить, а отклонить струю на восток, так что весь этот парной карибский бульон потечёт к нам в Балтику и Баренцево море, к нашей селёдке, корюшке и треске. Мне ничего не оставалось, как поинтересоваться: так мы хотим заморозить Восточное побережье Союза Американских Штатов или задать треске месоамериканский корм?

– Я изобретаю способ разрушения самого меркантильного человечника, который должен быть наказан. Мы, кажется, об этом говорили.

Что-то такое я действительно припомнил.

– Надеюсь, наказание пойдёт им впрок. Европа, как известно, закатилась, а нынешняя одержимость Запада глобальными проблемами – не более чем камуфляжная сеть, скрывающая неумение решать проблемы личные и маскирующая холодный, парализующий страх перед необходимостью эти проблемы всё-таки решать. А ведь известно, что именно личные проблемы составляют смысл существования человека в мире: опыт любви, риска, верности и предательства, поиск собственного предназначения... – Рукой Капитан совершил в пространстве неопределённый жест.

Далее он заметил, что для человека нет ничего важнее этих вещей, и даже исторические события по большей части происходят именно тогда, когда непримиримо перехлёстываются чьи-то личные интересы. А нынешние наследники Фауста, отвернувшись от личных проблем, сплошь озабочены всеобщим потеплением, политической корректностью и ужасом перед человеческим клоном. Они находят себе Маргарит во Всемирных Тенётах и говорят о сокровенном только на кушетке у психоаналитика. Это прогрессирующее тихое помешательство как раз и составляет сущность современной западной цивилизации, кичащейся собственной *цивилизованностью*. Куда это годится? Никуда. Так что ничего не остаётся, как ткнуть их в личные проблемы мордой...

– Ты думаешь, им это поможет? – спросил я больше из вежливости, чем от сомнений.

– По-твоему – они уже законченные хрюшки?

– Нет, я не то имел в виду...

– Ну, если не законченные, то – поможет. Омовение в первичной плазме человеческого бытия, знаешь ли, отрезвляет. Прямое столкновение с опасностью и вовремя отворённая кровь встряхнут их и заставят сбросить наваждение. Не сомневаюсь – уцелевшие потомки современных янки в дальнейшем ещё скажут нам спасибо. – Капитан снял с носа очки, покрутил их в руках и снова водрузил на место. – Впрочем, я решил отказаться от плана холодной войны путём отвода от Америки Гольфстрима. Для наглядного предостережения остальным порок, как унтер-офицерская вдова, должен высечь себя сам. А как принудить янки самих же на свою беду затеять эту стройку века, мне что-то в голову не входит. А тебе? – Он подкупающе улыбнулся.

– Я в этом деле полный тормоз, – сознался я, поскольку – а чего скрывать-то?

Капитан меня не услышал.

– И потом, – продолжил он задумчиво, – ну заморозим их, а ведь они и на Аляске воду мутят. Нет, плотина не годится. Работать будем по другому плану – мы распалим их алчность так, чтобы она сама же их сожрала. Вы говорите, ваш мир индивидуалистичен и построен на интересах личности? Ну что ж, посмотрим – действительно ли вы такие эгоисты, что готовы умереть за собственную выгоду.

На миг я закрыл глаза и увидел, как по зимнему полю несётся большая собака, на бегу хватая горячей пастью снег. Миг вышел – в свитере маренго передо мной сидел Капитан. Остро отточенным воображением я сбрил ему эспаньолку и усы, после чего внезапно понял, что с середины девяностых он почти не изменился, будто последние пятнадцать лет пребы-

вал в какой-то предохранительной спячке. Или просто давно уже сплавил свои сухую и мокрую души в чудотворный магистерий.

– Ну что же, я готов. А как мы будем распалать их алчность?

Ответ можно было бы предугадать, если б только заранее сопоставить все его речи.

Итак, нам надо было сделать малость: убедить мир новыми резонами в одной довольно старой бредне – в том, что на глубинах свыше четырнадцати километров в земной коре находится изрядный пласт чистого золота. Ну если и не убедить, то заронить на этот счёт существенные подозрения. Естественно, американцы первыми забуряются в свои непаханные недра – вот тут-то им и крышка.

– Почему же крышка? – не понял я. – Они всего лишь не найдут там золото.

– Нет, не всего лишь, – возразил Капитан и пояснил, что, возможно, золото они там и в самом деле не найдут, но даже если найдут – кердык им выйдет стопудовый. Китайцы вот вроде умный народ, они зубную щётку изобрели, а всё равно попались – ещё в начале тринадцатого века они ударно-катаным приёмом проббили землю на версту с четвертью, и тут же их отплющили монголы. Это раз. Британцы на индийских золотых рудниках в Коларе прорубили забой вглубь на пару километров и получили восстание сипаев. Это два.

– Честно говоря, доказательная база слабая. Какая здесь связь?

– А у нас? – Капитан набирал критическую массу небылиц, которым следовало качественно перейти в реальность. – Едва Кольская скважина перевалила за двенадцать километров, как мигом объявили перестройку. Теперь наша дыра самая глубокая в мире – двенадцать километров двести шестьдесят два метра. До этой отметки добрались к концу девяносто первого. Какая страна тогда скоростно протянула ноги, ты, надеюсь, помнишь. Слава Богу, работы заморозили и перевели скважину в режим геолоборатории. А ведь проектная глубина была пятнадцать тысяч метров!

Мы помолчали. Я – осмысляя услышанное, он – неизвестно почему.

– Ты знаешь, что там случилось? – наконец спросил Капитан. – Ну, после чего её заморозили?

Я не знал.

– После того, как все службы рабочей смены полным составом на три часа заснули и увидели один сон на всех – адское пекло. Сон был таким ярким, что люди проснулись ослепшими.

Мы опять помолчали, после чего паузу прервал уже я:

– Почему же китайцам хватило версты, а нам понадобились все двенадцать?

– Да потому что тайны преисподней охраняются от человека так же бдительно, как тайны неба. Они открываются постепенно – по мере того как люди перестают быть людьми. И все попытки взять эти тайны штурмом караются безжалостно и скоро – Господь перешибает нас, как лом соплю.

Капитан откинулся на спинку кресла и оглядел кабинет, как серафим оглядывает страны мира от полночи до полудня.

После осмотра он высказался в том духе, что, мол, цивилизации древних слишком легкомысленно относились к насекомым, поскольку никто, кажется, кроме египтян, не изображал их в сакральных иероглифах и пиктограммах. Я сказал, что воины-тольтеки наряжались шершнями, а пришедшие им на смену ацтеки чтили кузнечика, в минойской же культуре золотые женские цапки часто делались в виде ос...

Тут появилась Капа с подносом, и кабинет заполнил чудный аромат живого, сваренного в турке кофе. Капитан раздул ноздри, потянул воздух и вздёрнул бровь. Вместе с двумя миниатюрными чашечками на подносе стояла тарелка с рыжей горкой мандаринов.

– И всё же – в чём тут фокус? – Я ещё не понимал задачу до конца.

– Элементарно – в вышней каре. Идею сверхглубокой скважины я по-товарищески позаимствовал у одного шелкопёра, который лет двенадцать назад случайно и ненадолго стал знаменитым. Возможно, ты тоже о нём слышал. – Капитан назвал имя, которое и вправду было мне знакомо. Что-то из его писаний, помнится, стояло даже у меня на книжной полке.

– Случайно такие вещи не случаются, – заметил я. – В том смысле, чтобы случайно сделаться известным.

– Напротив, иногда удача улыбается тому, кто её совсем не ищет. Зато безвестность дверью никогда не ошибается.

– Что касается безвестности – это не так. Ведь на самом деле Сократов было много – другим просто не повезло с компанией. Вообще часто леность и нерадивость учеников роковым образом сказывается на гениальных учителях. И относительно случайностей и свойств удачи, извини, всё несколько иначе. Ведь удача – сама есть случайность и свойство, а случайность не может быть обременена случайностями и свойству нельзя приписать свойств.

Отхлебнув кофе, Капитан посмотрел на меня с умилением.

– А ты, Евграф, педант. Нет, не подумай, будто я не доверяю твоим умственным способностям – я не умнее тебя, я просто дольше живу. Скажи навскидку, сколько долек в мандарине?

– Как правило – от восьми до дюжины, смотря по сорту. – На его глазах я разобрал прыснувший эфирным облачком мандарин и продемонстрировал свою правоту – долек было десять.

– Обычно людям не приходит в голову считать такие вещи. Ты ненормальный. Ты выпадаешь из правил, а в нашем безрассудном, но чертовски правом деле это – то, что надо. – Капитан, только что изящно обозвавший меня идиотом, как ни в чём не бывало крутил на блюдечке дымящуюся чашку. – Так вот, однажды этот крендель написал, что настоящая причина гибели Империи кроется в дерзком замысле сверхглубокой скважины на Кольском, ведь по существу такая дырка – Вавилонская башня наоборот. Тебе не кажется, что это похоже на озарение, а стало быть, к этому следует отнестись серьёзно?

– Мне кажется, что это полная херня. – Я глубокомысленно изучал жёлтый от мандариновой шкурки ноготь большого пальца: если честно, я чуть-чуть обиделся – так, самую малость. – Во всяком случае, не более чем остроумная гипотеза.

– Раз мы работаем не на заказ, а по велению души и не несём ответственности перед клиентом, считай, что мы всего лишь проверяем гипотезу глубокой дырки за счёт набитых кредитными картами янки.

– «Танатос» для того и создан?

– Точно. Человек наказан работой. Но мы станем рвать жилы так, что это не будет похоже на работу. Это будет похоже на игру. На азартную и очень серьёзную игру. И ты хорошо будешь в неё играть, ты научишься. Потому что тебе придётся доказывать, что ты самый лучший. Лучше всех. Ты станешь это делать добровольно – ведь для того и существует ревность.

– Ревность к работе?

– Мая, – подтвердил директор.

3

Не знаю, как в прошлой жизни, но теперь Капитан выступал настоящим принципом. Более того, он был бесспорным предводителем, вождём в самом высоком смысле слова, потому что доподлинно знал вещи, которые поднимают человека над нормой, над средой, над средним (речь не о счёте мандаринных долек). Так, например, он безошибочно чувствовал разницу между терпимостью и попустительством, жестокостью и мужеством, осуществимой сказкой и иллюзией, поскольку точно знал, что смута жизни в немалой мере происходит от смуты понятий, и в своём сознании очистил и восстановил адамические значения слов. Он не только карал, но умел поощрять людей и распознавать дарования (несмотря на потешное имя, что, как известно, отвлекает, меня он оценил с первой встречи; та же история произошла и с Олей). Он знал, что радость должна венчать труд, поэтому, кроме заслуженной платы, благоразумно сеял вокруг справедливую похвалу и пожинал обильную жатву признательности. Он не делил дела на великие и малые, но всё ему было важно, он не спрашивал совета, но мог принять совет, он был неподкупен, ибо не собирал земных благ и ему было точно известно, что в мире есть место чуду и жить следует именно свидетельством и распознаванием чудес.

Ещё он знал, что хуже нет, как унижать земную родину сравнением, хотя она и есть всего лишь отправной плацдарм, исходная точка для жизни в горних, – напротив, всяческое прославление родной земли достойно сердца человека, постигшего подлинную цену своего отечества. Также он знал, что ежечасное сомнение уводит не только от цели, но и от истины, поскольку к истине обращается смотрящий вдаль, а колеблющийся обращается назад, и в том его неправда, за которую он рано или поздно получит в полной мере. И наконец, похоже было, будто Капитан совершенно не имел понятия о том, что такое *падение духа*, ибо дух его, и вправду, что ли, укреплённый связью с Иерархией, всегда был на высоте, так что он (Капитан) спокойно, как уличные вывески, читал знамения и знаки, которые для остальных были не более чем суеверия или случайности, – отчасти именно по этой причине трудно было представить силу, способную пресечь его дела до срока. По этой же причине он не ведал мести – ведь он не знал и ущемления. Такой он был человек – титан, атлант, держащий небо, царь зверей... И пусть сам он не мог изречь неизречаемое слово, но он определённо чувствовал его внутри себя. Аминь.

Однако забавнее всего здесь было вот что: будучи по существу вождём и предводителем, он не имел желаний повелевать. Он просто сочинял для мира – когда по мелочи, когда без удержу, по полной – его судьбу, его грядущую историю и по-ребячески, беспечно радовался как относительно невинному, так и чудовищному воплощению своих фантазий. Вот и всё.

В тот день передо мной была поставлена задача: с точки зрения и посредством инструментария эзотерических наук убедительно – в пределах, разумеется, метафизических границ – обосновать присутствие в недрах на соответственных глубинах несметных залежей золота и других презренных железяк. То же самое должна была сделать и Оля, но только с точки зрения естественной науки геологии. Таким образом, мы с ней вступали в своеобразное соревнование по вракам – такой забавный завиральный марафон под бдительным судейством Капитана. Сопутствующую подобному соревнованию спортивную ревность он, видимо, и имел в виду.

Кроме того, в рамках подготовительного этапа моему компьютерному флибустьеру (кстати, его и звали сообразно – Стёпа Разин) вменялось в обязанность отслеживать все электропочтовые сношения ведущих отечественных специалистов по сверхглубоким тайнам земли. На этот счёт его проконсультировал приехавший из Пскова гвоздобой Василий.

Вместе со Стёпой они прогулялись по серверам, сначала запустив туда по разработанной Артёмом и Василием программе «шпиона», не приметного лазутчика, прозрачного в своём хрустальном совершенстве ниндзя-паука, который незаметно снял/вырубил всех встречаемых караульных, взломал замочки, вскрыл все нужные пароли, логины и проч., после чего ребята быстро развязали и сплели какие-то узелки, разомкнули и замкнули какие-то линии/цепи (я не силен в хакерских уворотках) и наконец наладили такую схему: вся почта – как исходящая, так и входящая – с интересующих нас почтовых ящиков теперь сначала попадала в «Танатос» и, лишь подвергнувшись досмотру, отправлялась дальше к адресатам. А могла и не отправиться. Либо отправиться с отредактированными потрохами или совсем другим, подменным содержанием. Потребовалось Стёпе с Васей на это бесчинство всего несколько дней.

Таким образом «Танатос» взял под контроль электронные связи наших спецов по сверхглубоким дырам как между собой, так и с зарубежными коллегами. Именно для надзора за перепиской с последними Капитан и предусмотрел в штате питерского филиала полиглотта-переводчика. Что касается личных писем – они, конечно, тоже подвергались перлюстрации, но по большому счёту только отнимали время.

План получил конспиративное название «Другой председатель». Отчасти здесь скрывался намёк на предполагаемую вскоре смену исторической и геополитической парадигмы, отчасти давалась отсылка к «Городу Градову»: «Один председатель хотел превратить сухую территорию губернии в море, а хлебопашцев в рыбаков. Другой задумал пробить глубокую дырку в земле, чтобы оттуда жидкое золото наружу вылилось...» Я же говорил, что фишка не нова.

4

– Если исходить из показателей глубинности, то большинство скважин американцы насверлили в прикладных целях – искали нефть и газ в осадочных бассейнах или хотели использовать геотермальные энергетические ресурсы недр.

Порой Олю тянуло рассуждать на всякие далёкие предметы. Вчера она, к примеру, вызвала меня на диспут по вопросу: видят ли слепые сны? А позавчера: есть ли в яйце куриное мясо?

– Скважина Бигхорн в Вайоминге, скважина на шельфе у побережья Алабамы, – перечисляла Оля, – или, скажем, скважина Лонг Велли в вулканической кальдере под Лос-Анджелесом – все они бурились в чисто практических целях. Прикинь, самая глубокая скважина у них – Берта Роджерс в Оклахоме – меньше десяти километров.

– Вот ведь какие, – расслабленно заметил я, – не хотят за так в преисподнюю лазить.

Не слушая меня, лютка продолжала:

– Почти всё научное бурение с полным отбором керна идёт у них на море, начиная с проекта «Мохол» в Мексиканском заливе, когда они хотели просверлить насквозь земную кору и получить образцы вещества верхней мантии. Тогда у них, как известно, ничего не вышло.

– Почему? – Мне как раз это было неизвестно.

– Потому что из скважины навстречу им полезло время. Знаешь, когда-то давно, ещё при Искандере, в Персии встречались купцы, которые возили с собой бурдюки, куда, как вино, наливали время. Это был не товар – время заменяло им охрану. Когда караван настигали разбойники, купцы навстречу им выливали из бурдюка день, и те скакали сквозь этот день, загоняя лошадей, но нисколько не приближаясь к добыче. В конце концов разбойники в ужасе поворачивали вспять и неслись прочь от дьявольского каравана. – Оля блаженно улыбнулась и закрыла глаза. – Что-то похожее случилось и с американцами. Хотя официально остановку бурения объяснили аномально высоким давлением в забое и кислой газовой средой.

Всегда от лютки узнаёшь что-нибудь новое.

– Собственно, я говорила Абарбарчуку, что выгоду от таких дорогостоящих работ, как сверхглубокое научное бурение в кристаллических породах, сегодня нельзя не то что извлечь, но даже обосновать в традиционных рамках геологических изысканий. Это Союзу было по плечу бурить из любопытства и гордыни, а загребушим янки – чёрта в ступе... На возмещение затрат здесь можно рассчитывать не в результате проверки ныне существующих теорий, а лишь в результате открытия новых, прежде неизвестных свойств природы недр.

– Мы с тобой ещё не обсуждали... – попробовал я увести беседу подальше от кальдер, верхних мантий и остального земляного вздора. – А как тебе, скажи, Абарбарчук?

– Вполне. И даже очень. Только немного странный.

– Однажды он на спиритическом сеансе вызвал сатану, – вспомнил я давнюю историю о Капитане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.